ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора 3

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

100-летие со дня рождения Якушева Василия Степановича, доктора юридических наук, профессора Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева 6

Юридические вызовы цифровизации: ответ студенческой науки 6

Обзор международной научно-практической конференции «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): преемственность и новации» 7

Новые издания, посвященные исследованию актуальных вопросов правового регулирования цифровых отношений 9

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Карелина С. А. Признаки группы компаний в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): проблемы правовой регламентации 10

Белых В. С. Институт несостоятельности (банкротства): спорные вопросы теории и практики 19

Запорощенко В. А. О некоторых вопросах реализации заложенного имущества в рамках дела о банкротстве 28

Калугин В. Ю. Соотношение оснований для оспаривания сделок и оспаривания действий по исполнению сделок 33

Бажина М. А., Звездина Т. М. Особенности определения контролирующих должника лиц в деле о банкротстве ТСЖ 38

Славич М. А. Замена застройщика: риски для инвестора 43

Кононова Л. А. Правовая природа саморегулируемой организации арбитражных управляющих 49

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief editor's column 3

BUSINESS AND SCIENCE NEWS

The 100th Birthday Anniversary of Vasiliy S. Yakushev, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Ural State Law University named after the V. F. Yakovlev 6

Legal Challenges of Digitalization: Student Science Response 6

Review of International Scientific and Practical Conference "Legislation on Insolvency (Bankruptcy): Continuity and Innovations" 7

New Publications Devoted to the Study of Current Issues of Legal Regulation of Digital Relations 9

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW

Svetlana A. Karelina. The Signs of Group of Companies in the Legislation on Insolvency (Bankruptcy): Problems of Legal Regulation 10

Vladimir S. Belykh. Institute of Insolvency (Bankruptcy): Disputable Questions of Theory and Practice 19

Viktor A. Zaporoshchenko. On Certain Issues of Pledged Property Disposition in Bankruptcy Cases 28

Vladimir Yr. Kalugin. Correlation of Grounds for Challenging Transactions and Challenging Actions to Execute Transactions 33

Maria A. Bazhina, Tatiana M. Zvezdina. Peculiarities of Determining the Debtor's Controlling Persons in Bankruptcy Case of Homeowners Association 38

Maria A. Slavich. Replacement of Developer: Risks for Investor 43

Ludmila A. Kononova. Legal Nature of Self¯regulatory Organization of Arbitration Managers 49

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогой наш читатель! Вы держите в руках завершающий номер журнала «Бизнес, менеджмент и право» в 2022 году! В канун Нового года принято подводить итоги, рассуждая о реализованных планах и ставя новые цели. В этой связи хочется поблагодарить авторов статей, благодаря которым содержание выпусков журнала отличается своей научной насыщенностью. За год вышло более 30 статей, посвященных различным актуальным вопросам, связанным с общими тенденциями цифровизации, а также применением сквозных цифровых технологий в отдельных отраслях экономики, анализом альтернативных методов разрешения споров в электронной коммерции, определением потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях, с практическими аспектами ведения дел о банкротстве и т. д. На страницах журнала нашли отражение важные научные мероприятия.

В качестве еще одного важного достижения следует отметить то, что с 20 декабря 2022 года журнал «Бизнес, менеджмент и право» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Тем самым можно заключить, что уходящий год был полон научных достижений, событий и свершений, которые заложили прочную основу для движения вперед в Новом 2023 году! Именно поэтому наша редакция, провожая уходящий год, с благодарностью отмечает богатство 2022 года на различные юридические факты, имевшие место быть, а также смотрит вперед, в грядущий 2023 год, который непременно принесет нам новые достижения в различных сферах! Такой же уверенности во всем наилучшем желаем мы и Вам, наши дорогие читатели и авторы! Надеемся на плодотворное сотрудничество в Новом Году!

Пусть год кролика будет для Вас пушистым, добрым и благоприятным для богатого «урожая» достижений, открытий и свершений! Полный вперед!

С уважением,
главный редактор

В. С. Белых

БИЗНЕС, МЕНЕДЖМЕНТ И ПРАВО
Научно-практический экономико-правовой журнал
№ 4 (56), 31 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ **ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УрГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Белых В. С. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бажина М. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Герасимов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бозров В. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС.

Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

Илюшина М. Н. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».

Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Козаченко И. Я. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермского государственного национального исследовательского университета».
Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».
Салиева Р. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».
Старилов Ю. Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежского государственного университета».
Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирского государственного университета».
Хазанов С. Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета ВС РФ.
Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточного федерального университета».
Ярков В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).
Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления.
Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ.
Перевалова И. В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.
Решетникова И. В. – доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.
Сидоркин С. В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.
Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.
Фурдуй С. В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

100-летие со дня рождения Василия Степановича Якушева, доктора юридических наук, профессора Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

18 ноября 2022 года состоялось мероприятие, посвященное 100-летию со дня рождения Якушева Василия Степановича, доктора юридических наук, профессора Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. Данное событие было отмечено торжественной встречей друзей, коллег, учеников, соратников и последователей известного ученого в стенах Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

В рамках мероприятия ректор Уральского государственного юридического университета ***Владимир Александрович Бублик***, доктор юридических наук, профессор, отметил значимость вклада Василия Степановича в развитие уральской школы предпринимательского права, а также поблагодарил организаторов – членов кафедры предпринимательского права Университета – за подготовку и организацию.

В ходе встречи выдающиеся ученые ***Белых Владимир Сергеевич***, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, ***Вавилин Евгений Валерьевич***, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, ***Запольский Сергей Васильевич***, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, ***Кузнецова Ольга Анатольевна***, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по науке Пермского государственного национального исследовательского университета, ***Мороз Светлана Павловна***, доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы права «Эділет» Каспийского общественного университета, ***Слесарев Владимир Львович***, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель председателя Высшего арбитражного Суда РФ (в отставке), ***Туманов Владислав Николаевич***, доктор юридических наук, профессор, председатель арбитражного суда Калужской области, ***Шаблова Елена Геннадьевна***, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета, ***Шишкин Сергей Николаевич***, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия поделились своими воспоминаниями о Василии Степановиче как о грамотном и внимательном коллеге и профессионале, прекрасном учителе и друге, выдающемся ученом.

Благодаря усилиям ***Кирилла Николаевича Предеина***, кандидата юридических наук, доцента кафедры предпринимательского права Университета, и ***Михаила Федоровича Казанцева***, доктора юридических наук, профессора кафедры предпринимательского права Университета, был смонтирован фильм о Василии Степановиче, в который вошли редкие кадры, запечатлевшие самого ученого, рассказывающего о своем жизненном пути, о решении посвятить себя юридической профессии.

В память о Василии Степановиче была издана книга «Фронтовик. Правовед. Учитель: К 100-летию Василия Степановича Якушева», составителями которой являются ученики известного ученого Владимир Сергеевич Белых и Михаил Федорович Казанцев. В книге представлено более 120 фотографий, в том числе редких и ранее не опубликованных.

Юридические вызовы цифровизации: ответ студенческой науки

16 декабря кафедра предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева совместно с кафедрой гражданского права Российско-Таджикского (Славянского) Университета провели студенческий круглый стол «Правовое регулирование цифровой экономики».

С приветственным словом выступили Владимир Сергеевич Белых, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, заслуженный деятель науки

Российской Федерации, Алексей Валерьевич Золотухин, д.ю.н., профессор, декан юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета. Ученые подчеркнули особую значимость обсуждения вопросов цифровой экономики на различных уровнях, в т.ч. и в рамках студенческой науки. Именно подрастающее поколение юристов должно быть готово к должному юридически грамотному ответу на те вызовы, которые появились с развитием цифровой экономики. От УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в мероприятии приняли участие студенты 2, 3 и 4 курсов Института права и предпринимательства (Анастасия Кравчук, Влада Крафт, Варвара Минайлова), Института прокуратуры (Дарина Абитова, Анастасия Неволина) и Института юстиции (Максим Писаренко, Константин Булавицкий).

Особый интерес у участников вызвали темы, связанные с правосубъектностью искусственного интеллекта, его юридическим статусом, с трансформацией ведения бизнеса, правами личности в нереальном пространстве, с правовым регулированием виртуальных фэшн-моделей, образовательной деятельности, с пределами осуществления государственной власти в условиях цифровизации.

Мероприятие проходило в виде оживленной дискуссии представленных докладов. Особые слова благодарности выражаем модераторам, направлявшим работу круглого стола, – Марии Анатольевне Бажиной, к.ю.н., доценту кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, и Мухаммадджону Аскарбеговичу Вохидову, преподавателю кафедры гражданского права Российско-Таджикского (Славянского) Университета.

Желаем всем участникам круглого стола дальнейших продуктивных научных разработок по заявленным тематикам и ждем появления новых дискуссионных площадок в рамках студенческой науки по вопросам правового регулирования цифровой экономики!

Обзор международной научно-практической конференции «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): преемственность и новации»

21 октября 2022 года на базе Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в рамках XII Московской юридической недели состоялась международная научно-практическая конференция «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): преемственность и новации».

Организаторами конференции выступили кафедра предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Комиссия Ассоциации Юристов России по антикризисному управлению, Московское отделение Ассоциации Юристов России.

Данное научное мероприятие было посвящено 30-летию принятия первого в России Закона о несостоятельности (банкротстве) 1992 года и 20-летию действия Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». За указанные периоды произошли существенные изменения действующего законодательства, в результате чего в российском правопорядке был сформирован и активно развивается институт несостоятельности (банкротства). Каким должен быть данный институт в будущем? Какие модели и механизмы банкротства наиболее приемлемы для отечественного бизнеса? В каком направлении должно развиваться потребительское банкротство? Что должно быть сохранено, а что подлежит изменению в действующем правовом регулировании законодательства о несостоятельности (банкротстве)? Научной дискуссии и ответам на указанные вопросы и были посвящены прения и дебаты в рамках указанной конференции.

С приветственным словом выступил доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Е. П. Губин. В своем выступлении он обратил внимание на важность и социальную значимость механизмов банкротства в отечественном праве, актуальность в изучении современных подходов законодателя в указанной сфере.

С пленарным докладом по вопросу защиты прав граждан-должников выступил финансовый обмундсмен П. А. Медведев, который отметил насущную потребность общества в защите должников от злоупотреблений со стороны различных организаций и групп лиц.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

С развернутым докладом на тему «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): итоги и направления совершенствования» выступила доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова С. А. Карелина. В своем выступлении С. А. Карелина дала общий обзор отечественного законодательства о несостоятельности (банкротстве), выделила основные этапы его становления, определила актуальные проблемы современной практики рассмотрения дел о банкротстве, а также сформировала ключевые направления его совершенствования.

С докладом на тему «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): вчера, сегодня, завтра» выступил доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева В. С. Белых. В своем выступлении В. С. Белых произвел подробный обзор основных этапов становления российского законодательства о несостоятельности (банкротстве), произвел анализ действующих положений законодательного регулирования указанной сферы, а также обозначил основные пути его реформирования для устранения имеющихся пробелов правового регулирования.

С интересным докладом на тему «Краткий анализ современного испанского законодательства о банкротстве: эволюция и вызовы XXI века» выступил профессор коммерческого права Университета Вальядолида (Испания) Хесус Кихано (Jesús Quijano). Докладчик обратил внимание на модели зарождения институтов банкротства в странах Западной Европы и в Испании. Особе внимание было уделено Закону о несостоятельности 2003 года в Испании и его влиянию на положение должников. Данный Закон 2003 года заменил старое испанское законодательство о несостоятельности, сформированное в Испании еще в XIX веке новым, современным законодательством, конкурентноспособным с законодательствами других европейских стран. Основными задачами и целями реформ отношений банкротства в Испании докладчик считает необходимость внедрения предбанкротных институтов, эффективную рационализацию процедуры банкротства и снижение расходов на её проведение, а также реализацию возможности для граждан-должников получить освобождение от непогашенных обязательств, так называемый «второй шанс». Хесус Кихано обратил внимание на концепцию Сводного Закона о несостоятельности в Испании, который был утвержден Королевским законодательным декретом от 5 мая 2020 года и провел анализ последних изменений в законодательстве о несостоятельности, которые выразились в реформе 2022 года ориентированной на гармонизацию национального законодательства Испании с европейским законодательством.

С докладом на тему «Целевая концепция регулирования банкротства как содержание формируемой государственной политики» выступил кандидат юридических наук Е. Д. Суворов. Данный докладчик обратил внимание на пути формирования государственной политики в сфере несостоятельности (банкротства) и обстоятельствах оказывающих на нее существенное влияние.

В рамках данной научно-практической конференции было проведено три секции:

– «Коммерческое банкротство и интересы бизнеса: проблемы координации» (модератор – Б. С. Бруско, кандидат юридических наук адвокат);

– «Законодательство о банкротстве банков: вчера, сегодня, завтра» (модератор – Е. Б. Лаутс, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова);

– «Законодательство о банкротстве граждан: итоги и перспективы развития» (модератор – И. В. Фролов, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).

В рамках указанных секций были рассмотрены вопросы, связанные с применением механизмов банкротства в ситуации кризиса и неплатежеспособности должников (докладчик – Р. Т. Мифтахутдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского государственного университета и Исследовательского Центра частного права имени С. С. Алексеева), с дисбалансом правового статуса арбитражного управляющего (докладчик – С. А. Домнин, арбитражный управляющий), с определением ответственности сторон в делах о банкротстве, сформулированы подходы к минимизации рисков привлечения должников к юридической ответственности (докладчики – Ю. М. Воронина, директор Юридического управления Сибирского Банка ПАО Сбербанк, А. С. Чернова, начальник отдела Управления защиты интересов Банка Алтайского отделения ПАО Сбербанк, В. К. Яцученко, ведущий юрисконсульт отдела Юридического управления Сибирского Банка ПАО Сбербанк), правового регулирования судебных и внесудебных процедур в делах о банкротстве граждан (докладчик – И. В. Фролов, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).

Подводя итоги указанной научно-практической конференции можно выделить актуальность и значимость

обсуждаемых тем и заслуженных докладов. Всеми участниками данного мероприятия была отмечена востребованность профессиональными сообществами ученых, практикующих юристов и арбитражных управляющих ответов на вопросы о преемственности отечественного законодательства о несостоятельности (банкротстве). Организаторами конференции было обращено внимание на актуальность обсуждения проблем использования правовых новации при совершенствовании и повышении эффективности отечественного законодательства для должников кредиторов и всего российского общества в непростых для большинства хозяйствующих субъектов условиях.

Участниками и организаторами указанной научно-практической конференции было принято решение об оформлении докладов и научных дискуссии, проведенных в рамках указанного научного форма, в виде коллективной монографии «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): преемственность и новации». Для участия в написании данной работы были приглашены участники проведенного мероприятия, а также специалисты в сфере несостоятельности (банкротства) готовые поделиться своим опытом и взглядами для развития научных подходов и практических рекомендаций в отношении отечественных механизмов банкротства.

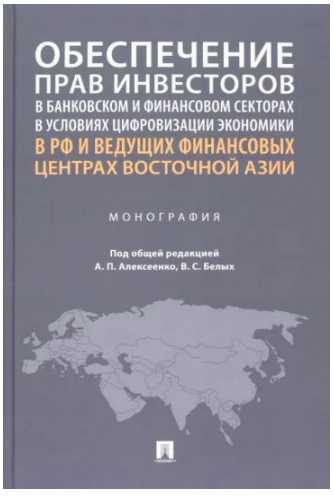
Доцент кафедры предпринимательского права
Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент И.В. Фролов

Новые издания, посвященные исследованию актуальных вопросов правового регулирования цифровых отношений

В конце 2022 года вышли в свет две коллективные монографии, посвященные юридическим вопросам цифровизации.

Монография «Правовое обеспечение модернизации экономики и бизнеса в условиях цифровизации» знакомит читателя с актуальными вопросами модернизации российской экономики и бизнеса в условиях цифровизации. В работе исследуются проблемы модернизации, виды, модели, соотношение рыночной экономики и государственного регулирования, а также рыночной экономики и права. Рассматриваются вопросы правового обеспечения информационной безопасности субъектов предпринимательской деятельности, правового регулирования отдельных видов экономической деятельности в условиях цифровизации, совершенствования предпринимательского законодательства.

Во второй монографии «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ» рассматриваются вопросы применения цифровых технологий в банковском и финансовом секторах экономики в странах Восточной Азии (КНР, Сингапур, Таиланд, Малайзия), а также в других юрисдикциях (Бразилия). Исследованы юридические аспекты обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, проблемы трансграничного управления потоками финансовой информации, сложности привлечения к ответственности лиц, совершающих противозаконные действия в киберпространстве. Освещены проблемные сегменты правовой регламентации использования цифровых валют центральных банков, криптовалют и различных цифровых токенов в сфере инвестиций, смарт-контрактов, роботов-советников и B1M-технологий.



БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 346.1

Признаки группы компаний в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): проблемы правовой регламентации[1]

Карелина С. А.

Аннотация: В настоящее время в действующем российском законодательстве о банкротстве отсутствует легальное определение понятия «банкротство группы компаний». Тем не менее суды при рассмотрении дел о банкротстве не только используют данный термин или смежные с ним понятия, обозначающие экономическую связанность нескольких компаний между собой, но и выделяют признаки такой группы. Данная статья посвящена анализу данных признаков, а именно: объединение юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей; объединение, не являющееся юридическим лицом; объединение на основе отношений влияния и контроля; с применением определенной системы дозволений, запретов и ограничений в случае признания объединения группой компаний как единому консолидированному субъекту права; наличие общего экономического интереса и согласованной цели.

Ключевые слова: группа лиц; группа компаний; банкротство группы компаний; групповая дисциплина, контроль; единый экономический интерес; сложность внутригрупповых отношений; центр прибыли; центр убытков

The Signs of Group of Companies in the Legislation on Insolvency (Bankruptcy): Problems of Legal Regulation[2]

Svetlana A. Karelina

Abstract: Currently there is no legal definition of the concept of “bankruptcy of a group of companies” in the current Russian legislation on bankruptcy. Nevertheless, in considering bankruptcy cases the courts not only use this term or related concepts that denote the economic relatedness of several companies among themselves, but also highlight the features of such a group. This article focuses on the analysis of these features, namely: association of legal entities and (or) individual entrepreneurs; association that is not a legal entity; association on the basis of relations of influence and control; with application of a certain system of permissions, prohibitions and restrictions in case of recognition of association as a single consolidated subject of law; presence of common economic interest and coordinated purpose.

Keywords: group of persons; group of companies; group bankruptcy; group discipline; control; single economic interest; intragroup complexity; profit center; loss center

Ведение единого бизнеса несколькими компаниями не является уникальным явлением в российской экономике. Зачастую интеграция активов и пассивов компаний настолько высока, что объединение лиц воспринимается как единый консолидированный субъект. Квалификация группы компаний как единого хозяйствующего субъекта имеет правовое значение, поскольку меры специального регулирования применяются ко всем участникам предпринимательской группы, а не к одному из участников. В определенной степени

1 Для цитирования: Карелина С. А. Признаки группы компаний в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): проблемы правовой регламентации // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 10–18.

2 For Reference: Svetlana A. Karelina. The Signs of Group of Companies in the Legislation on Insolvency (Bankruptcy): Problems of Legal Regulation // Business, management and law. 2022. № 4. P. 10–18.

данная позиция законодателя в области несостоятельности (банкротства) представляет собой подтверждение приверженности законодателя к складывающейся традиции в корпоративном, налоговом праве, в законодательстве о защите конкуренции.

Конструкция совместного ведения единого бизнеса сразу несколькими субъектами представляет интерес и для института несостоятельности (банкротства), поскольку зачастую она используется для устранения возможной ответственности перед кредиторами. Однако действующее российское законодательство не содержит легального понятия «банкротства группы компаний», что создает на практике определенные сложности, препятствуя объединению членов группы компаний для цели совместной процедуры банкротства. Вместе с тем банкротство групп компаний представляет собой один из механизмов, направленных на повышение эффективности института банкротства в целом. В условиях столкновения противоречивых интересов субъектов правоотношения несостоятельности, банкротство групп компаний имело бы определяющее значение как для должника, так и для кредиторов путем предоставления ряда гарантий: возможности инициирования объединенного производства по месту нахождения контролирующего лица – члена группы компаний, выделения требований конкурсных кредиторов, входящих в одну группу компаний с должником, повышения прозрачности процедуры. Банкротство групп компаний снижает риск перераспределения ликвидных активов от неплатежеспособных субъектов на финансово-эффективных, входящих в одну группу с должником [1, с. 81–85]. Преимуществом реализации этого механизма является и повышение стоимости продажи нераздробленного между иными членами группы компаний имущества должника. Интегрированное производство по делу о несостоятельности способствовало бы защите интересов конечных бенефициаров компаний, которые в ситуации обособленных банкротств фирм, фактически входящих в одну группу, имеют риск быть привлеченными к субсидиарной ответственности сразу по нескольким заявлениям. Речь идет о ситуации, когда в отношении одинаковых обстоятельств к ответственности привлекается конечной бенефициар нескольких фирм. Показательным в данном случае является неподдержанная Верховным Судом инициатива главы холдинга «Анкор» объединить несколько разрозненных дел о банкротстве в одно производство с целью избежать субсидиарной ответственности сразу по нескольким делам [2].

В настоящее время на доктринальном уровне предпринимаются попытки определения понятия группы компаний [3]. Вместе с тем они носят единичный характер.

Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение группы компаний, тем не менее суды по делам о банкротстве не только используют данный термин или смежные с ним понятия, обозначающие экономическую связанность нескольких компаний между собой, но и выделяют признаки такой группы. В сущности, говоря о признаках группы компаний мы имеем в виду механизмы, за счет которых достигается так называемая «групповая дисциплина». В теории классическим примером механизма «групповой дисциплины» служит пирамидальная структура группы, основанная на том, что материнская компания владеет большинством акций одной или нескольких дочерних компаний. Контроль и управление в такой группе основывается на праве собственности: полномочия акционеров позволяют материнской компании «навязывать» свою волю дочерним компаниям.

«Групповая дисциплина» также может основываться на договорных отношениях между компаниями. Примером тому служат отношения франчайзинга. И хотя доля скептицизма относительно интегрированного с точки зрения права характера таких отношений имеется,

Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение группы компаний, тем не менее суды по делам о банкротстве не только используют данный термин или смежные с ним понятия, обозначающие экономическую связанность нескольких компаний между собой, но и выделяют признаки такой группы

для конечного потребителя франчайзинговые компании часто будут восприниматься как часть единого коммерческого предприятия, которое, вероятно, не сможет провести различие между магазинами, принадлежащими группе, и франчайзинговыми магазинами [4, с. 20–21][1]. Такой подход формирует отношение к каждой

1 Hema, изначально голландский ритейлер, является примером такой структуры: многонациональная группа компаний, которая в 2018 г. насчитывала около 750 магазинов в девяти странах (в том числе в Нидерландах, Германии, Франции, Бельгии и Объединенных Арабских

франчайзинговой компании как части единой коммерческой группы.

Однако группы компаний могут быть сформированы не только по иерархической структуре, как в примерах выше, но и по неиерархической. Примером чего является тип группы, известный в соответствии с немецким законодательством как Gleichordnungskonzern. Такая группа состоит из юридически независимых компаний, каждая из которых управляется одними и теми же людьми. Таким образом, «групповая дисциплина» поддерживается путем назначения одних и тех же лиц членами правления нескольких компаний (unter einheitlicher Leitung zusammengefaßt) [4, с. 4].

В литературе применительно к видам групповых структур существует классификация, предложенная Irit Mevorach [4, с. 130–131]. Выделяется три уровня интеграции и взаимозависимости, имеющих отношение к случаям несостоятельности групп, и упоминается несколько факторов, которые могут иметь значение при оценке этих уровней, среди которых: (1) уровень экономической интеграции (степень вовлеченности компаний в общий бизнес); (2) степень фактического контроля центрального руководства над компаниями группы; (3) степень, в которой компании группы полагаются на другие компании группы в выполнении значимых функций (например, юридические услуги, финансирование, бухгалтерский учет и т.д.); (4) наличие группового финансирования (например, наличие одной или нескольких кредитных линий на уровень группы при солидарной ответственности группы или наличие групповых гарантий; (5) степень ротации персонала при назначении в компании группы; (6) представление о группе как едином целом для широкой аудитории.

Irit Mevorach выделяет следующие уровни интеграции компаний в зависимости от факторов. Во-первых, группа компаний со слабыми структурными связями между отдельными компаниями. Как правило, в такой структуре несколько юридических лиц интегрированы между собой, тогда как другие компании являются полностью независимыми. Во-вторых, группа компаний, состоящая из нескольких интегрированных и взаимозависимых компаний, каждая из которых сосредоточена на части одного коммерческого предприятия, например, с одними и теми же людьми, входящими сразу в несколько органов управлений разных компаний. Такую группу Irit Mevorach определяет как «бизнес-интеграцию». В этой структуре зачастую компании зависят от материнской компании в плане финансирования, разработки единой стратегии развития и управления. Как верно отмечает автор, такая группа компаний наиболее подвержена эффекту домино, когда банкротство одной компании может повлечь за собой неплатежеспособность ряда других компаний. Интересно, что в российской судебной практике встречались такие случаи, в частности, последствием банкротства ОАО «Коммерческий банк «Стройкредит» стало банкротство финансируемых им компаний[1]. В случае, если интеграция в группе настолько сильная, что происходит смешение активов и долгов компании, мы имеем дело с третьим видом группы – с группой интегрированных активов.

При отсутствии в действующем российском законодательстве легального универсального понятия «группы компаний» отдельные системы законодательного регулирования (налоговое, антимонопольное и др.) закрепляют соответствующие признаки (отраслевые) группы компаний. Однако общими признаками обобщенного определения «группы компаний» являются, по нашему мнению, следующие:

– объединение юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей;

– объединение, не являющееся юридическим лицом;

– объединение на основе отношений влияния и контроля;

– с применением определенной системы дозволений, запретов и ограничений в случае признания объединения группой компаний как единому консолидированному субъекту права;

– наличие общего экономического интереса и согласованной цели[2].

Применительно к последнему хотелось бы обратить внимание, что зачастую на практике при доказывании отсутствия единой согласованной экономической цели как признака группы компаний обращается внимание на факт осуществления юридическими лицами

Эмиратах), из которых около 250 магазинов работали по франшизе (см. инфографику Hema за октябрь 2018 г., доступную на голландском языке по адресу: <www.hema.net>). Все магазины использовали одну и ту же (или, по существу, аналогичную) концепцию, брендинг и продукты. Таким образом, можно разумно предположить, что: (а) широкая публика не может провести различие между франчайзинговыми магазинами и магазинами, которые напрямую управляются компанией, и (б) во всей группе Hema существует определенная синергетическая ценность (включая как собственные дочерние компании, так и аффилированные франшизы).

1 Банкротство должника по делу № А40-52439/2014 привело к банкротству финансируемых им строительных компаний: ООО «Энтузиаст-С» (дело № А40-191299/2014), АО «ОСК» (дело № А40-245757/2015) и ООО «ОСК» (дело № А41-54933/2015).

2 Заметим, что автор не ставит перед собой цель в рамках одной статьи представить развернутый анализ всех из перечисленных признаков группы компаний. По крайней мере, некоторые из них заслуживают отдельного более глубокого исследования.

самостоятельных видов деятельности, не являющихся частями единого производственного процесса, опосредованных различными правовыми формами реализации правосубъектности юридических лиц, а именно: заключением сделок, выступлением в хозяйственном обороте от собственного имени (под собственною торговою маркою и фирменным наименованием), выступлением в качестве истца и ответчика в суде, наличием способности нести ответственность за правонарушения и т.д., то есть реализацией всех элементов правосубъектности: правоспособности, дееспособности, сделкоспособности, деликтоспособности и даже конкурсоспособности (то есть возможности быть признанным банкротом по действующему российскому законодательству). Так, по одному из дел Президиум ВАС РФ отметил, что само по себе учреждение налогоплательщиком нового хозяйствующего субъекта не говорит о формальном разделении бизнеса, целью которого является получение необоснованной налоговой выгоды. Если налогоплательщик и вновь учрежденное лицо осуществляют самостоятельные виды деятельности, которые не являются частями единого производственного процесса, направленного на достижение общего экономического результата, основания для признания налоговой выгоды необоснованной отсутствуют [5]. На это обстоятельство обращается внимание и в доктрине [6].

Как правило, алгоритм доказывания в этом случае опосредуется обоснованием наличия следующих признаков, характеризующих правовой статус указанных организаций.

1. Экономический признак, заключающийся в наличии у юридического лица обособленного имущества. Следует подчеркнуть, что имущество понимается здесь не только как материальные объекты (вещи, деньги), но и в соответствии со ст. 128 ГК РФ также как имущественные права, имеющие денежную оценку.

Обособленность имущества хозяйственного общества выражается как в противопоставлении его имуществу других лиц, так и в отделении его от имущества учредителей (участников) юридического лица. Юридическое лицо по общему правилу (исключением является внесение учредителем имущества в унитарное предприятие или создание учреждения) становится собственником внесенных участниками имущественных вкладов [7].

2. Организационный признак, выражающийся в организационном единстве юридического лица. Организационное единство определяется общей целью, а также наличием системы социального взаимодействия, объединяющей людей в единое целое, и выражается в существовании внутренней организационной и функциональной структуры юридического лица [7]. Выражением организационного единства юридического лица является наличие у него органов управления, организационно обособленных от самих участников и наделенных определенной компетенцией.

На практике организационное единство чаще всего подтверждается решениями учредителя (-ей) о создании юридического лица; решениями учредителя (-ей) об увеличении уставного капитала; решениями органов управления, оформляющими передачу полномочий исполнительного органа корпорации управляющей организации; соглашением о намерениях с будущими арендаторами; решениями органов управления, одобряющими совершение различного рода сделок и т.д.

На практике организационное единство чаще всего подтверждается решениями учредителя (-ей) о создании юридического лица; решениями учредителя (-ей) об увеличении уставного капитала; решениями органов управления, оформляющими передачу полномочий исполнительного органа корпорации управляющей организации; соглашением о намерениях с будущими арендаторами; решениями органов управления, одобряющими совершение различного рода сделок и т.д.

3. Способность юридического лица выступать в гражданском обороте от своего имени, т.е. способность от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, а также самостоятельно нести имущественную ответственность по своим обязательствам.

1) возможность выступать в гражданском обороте под своим наименованием. Согласно ст. 1473 ГК РФ юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, выступает в гражданском обороте под своим фирменным наименованием, которое определяется в его учредительных документах и включается в ЕГРЮЛ при государственной регистрации юридического лица.

2) возможность от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности – это элементы правосубъектности юридического лица. Хозяйствующие субъекты могут выступать участниками имущественного оборота и одновременно являются

носителями публичных прав и обязанностей, что подтверждается заключением и исполнением различного рода договоров[1].

3) самостоятельность имущественной ответственности юридического лица, или деликтоспособность, заключается в том, что юридическое лицо несет самостоятельную имущественную ответственность по своим обязательствам, т.е. учредители (участники) не отвечают по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителей (участников). Из этого фундаментального правила ограничения ответственности могут быть исключения, установленные ГК РФ либо другим законом (ст. 56 ГК РФ).

4. Способность выступать истцом и ответчиком в суде.

Указанный алгоритм доказывания «от обратного», то есть доказывания отсутствия группы компаний находит отражение и в судебной практике. Так, например, в деле о банкротстве ООО «СкладЛогистик» Верховный Суд указал на то, что представляется невозможным воспринять членов группы как самостоятельных, имущественно обособленных субъектов гражданского оборота в связи с тем, что (1) запутаны внутригрупповые отношения, (2) денежные средства и услуги свободно перемещаются между аффилированными членами группы, (3) осуществлена произвольная передача владения складским комплексом (4) создана «компания-двойник». В данном деле Верховный Суд прямо указал на то, что в подобной ситуации к таким субъектам необходимо относиться таким образом, как если бы их активы и пассивы были объединены (консолидированы) [8]. В сущности же, данное решение является показательным не только в плане доказывания, но и прогрессивным с позиции реализации в России доктрины материальной консолидации.

«Учитывая, что с точки зрения корпоративного права должник и компания продолжают оставаться разными организациями (их конкурсные массы не объединены), соответствующие имущественные последствия могут быть достигнуты путем обособления выручки, полученной от торгового дома (что правомерно и осуществлено конкурсным управляющим), и предоставления лицам, фактически задействованным в оказании транспортно-логистических услуг с использованием складского комплекса, прямых требований к этой обособленной сумме».

В указанном деле, как мы видим, сформированы дополнительные признаки группы компаний. Некоторые из них, например, **свободное перемещение финансов внутри группы компаний**, уже не раз отмечались судами. Например, в одном из дел была установлена «закольцованная схема» между «техническими организациями» с целью увеличения оборотов по счетам без реальных отгрузок товара. «Технические организации» были использованы для вывода кредитных денежных средств, в том числе путем перечисления третьим лицам за подконтрольные фирмы [9]. Как правило, на формальное перераспределение денежных средств внутри группы компаний указывают сделки, совершенные при отсутствии реальных экономических целей [10].

Другим признаком, который выделил Верховный Суд, является **сложность (запутанность) внутригрупповых отношений**. Стоит отметить, что данный признак является одним из основных для цели материальной консолидации в США, однако в России судами он используется не так часто, и формулируется не так четко. Например, как бы вскользь о сложных корпоративных отношениях аффилированных лиц упоминается в деле о банкротстве «Биотерра» [11]. При этом иногда суды все же указывают на сложное и непрозрачное структурирование корпоративных связей, но не как на отдельный признак группы компаний, а как на критерий контроля [12].

Более того, указанное в 2018 году было подтверждено Верховным Судом. Согласно правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2018 года № 308-ЭС17-6757 [13], доказывание соответствующего контроля может осуществляться путем приведения доводов о существовании между лицами формально юридических связей, позволяющих ответчику в силу закона либо иных оснований (например, учредительных документов) давать такие указания, а также путем приведения доводов о наличии между лицами фактической аффилированности в ситуации, когда путем сложного и непрозрачного структурирования корпоративных связей (в том числе с использованием офшорных организаций) или иным способом скрывается информация, отражающая объективное положение дел по вопросу осуществления контроля над должником.

В практике также имеются случаи, когда компании специально создавали сложные бизнес-модели в отношении корпоративных форм управления, предполагающие разделение предпринимательской деятельности с выделением «центра убытков». Речь идет о случае,

1 На практике при доказывании отсутствия группы компаний необходимо сделать акцент на том, что сделки, во-первых, соответствовали положениям действующего законодательства, во-вторых, не отличались от иных аналогичных сделок, заключаемых в сравнимых обстоятельствах.

когда администрация, являясь лицом, контролирующим группу муниципальных предприятий, определяя условия их взаимодействия, создала схему, позволившую распределить имущественные и финансовые активы по модели создания убыточного центра (должник) в виде накопления на нем значительной долговой нагрузки перед независимыми кредиторами с направлением этой единицы на основании собственного заявления в процедуру банкротства для списания долгов [14].

Признак контроля является одним из основных для целей квалификации группы компаний, поскольку через этот механизм группы оказываются связанными друг с другом иными признаками: наличием определенной системы запретов и дозволений, общим экономическим интересом. На это также указывает и то, что некоторые суды вовсе самостоятельно сформулировали понятие группы компаний, выделив наличие контроля и влияния как квалифицирующего признака. Например, в ряде дел можно встретить, что группа компаний – это не являющееся юридическим лицом объединение коммерческих юридических лиц, действующих в различных организационно-правовых формах и связанных между собой отношениями значительного влияния или контроля. Группа компаний возникает вследствие прямого или косвенного участия физического или юридического лица в уставном (складочном) капитале хозяйственных товариществ и/или обществ [15].

Как уже было ранее отмечено, понятия «группа компаний» и «группа лиц» частично пересекаются, что не исключает возможность признания группы компаний или ее части группой лиц. Таким образом, те признаки (критерии), которые установлены для группы лиц, совпадают с теми, которые могут быть выделены для группы компаний. В частности, речь идет об аффилированности, то есть отношении связанности между собой (ст. 53.2 ГК РФ).

Аффилированными лицами компании признаются юридические и физические лица, способные оказывать влияние на деятельность компании. Перечень таких лиц и условий (признаков), с которыми закон связывает возможность их влияния на деятельность другого лица, приведен в ст. 4 Закона РСФСР о конкуренции. К таким признакам относятся, в частности:

– осуществление полномочий единоличного исполнительного органа компании, лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

– юридическое лицо, в котором данное юридическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

– член его Совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа;

– лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица;

– лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное юридическое лицо.

Группой лиц можно считать также лиц, которые действуют в едином экономическом интересе. Этот критерий является самым сложным в части применения. Связано это с тем, что сложно выявить всех юридических и физических лиц, входящих в одну группу на основаниях, предусмотренных ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции.

Критерии аффилированности по группе лиц можно разделить на (1) группу, образованную на основании связи лиц с самим обществом, (2) группу, в которой связь лиц с обществом строится по иным основаниям, а также (3) группу, объединяющую несколько групп на основании наличия в каждой группе единого члена (п. 8 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции). При этом, анализируя, первую группу, следует отметить, что она может быть образована на контроле или на иных основаниях (пп. 1–7 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции). В данную группу входят:

Группой лиц можно считать также лиц, которые действуют в едином экономическом интересе. Этот критерий является самым сложным в части применения

– контролирующее ООО лицо, то есть лицо, имеющее право распоряжаться более чем 50% голосов от общего количества голосов участников ООО;

– лицо, по предложению которого избран (назначен) директор ООО и (или) избрано (назначено) более чем 50% членов совета директоров или правления;

– директор ООО или иное лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа ООО;

– бенефициарные владельцы – как входящие в категорию лиц, имеющих право давать ООО обязательные указания.

Другой группой являются (2) лица, входящие в группу на ином основании:

– компания, в которой более чем на 50% одинаковый с ООО состав правления (иного коллегиального исполнительного органа) или совета директоров;

– супруги, родители (в том числе усыновители), дети (в том числе усыновленные), полнородные и неполнородные братья и сестры физических лиц, аффилированных (входящих в одну группу) с ООО. Указанные лица входят в группу лиц ООО, при условии, что они самостоятельно входят в группу лиц с другим юридическим лицом (Письмо ФАС России от 20 марта 2008 г. № АЦ/5969 [16]).

Еще одной группой, как было замечено, является группа (3), объединяющая несколько групп на основании наличия в каждой группе единого члена (п. 8 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции). В такую группу входят:

– лица, входящие в группу лиц с лицом, входящим в группу лиц ООО;

– лица, входящие в группу лиц с лицом, в группу лиц которого входит лицо, входящее в группу лиц с ООО.

Данная цепочка лиц не ограничена, главное – чтобы в каждой группе лиц было одно общее лицо. При этом она обрывается на лице, которое не имеет собственной группы лиц (Письмо ФАС России от 25 марта 2008 г. № АЦ/6366 [17]).

Кроме того, в группу лиц входит хозяйственное общество, в котором члены единой группы распоряжаются в совокупности более чем 50% голосов (п. 9 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции).

В практике возникают случаи, когда единственным учредителем (участником) двух обществ – кредитора и должника – является одно и тоже лицо, исполняющее обязанности их руководителей. В таком случае суды делают вывод о том, что кредитор и должник входят в группу компаний, контролируемую одними и теми же лицами, способными оказывать влияние на деятельность предприятий, входящих в данную группу [18]. В данном случае, как и в ряде других речь идет о том, что членов группы компаний контролирует одно лицо – бенефициар или сразу несколько (например, семья) [19]. К функциям таких лиц может относиться, например, распределение активов внутри группы компаний [20]. В практике также возникают случаи, когда у должника и общества существует единый контролирующий центр, а бизнес организован внутри определенной группы лиц, предполагающую получение всей прибыли одним из ее участников с отнесением всех долгов на другого участника группы [21]. На реализацию модели организации производственной деятельности предприятия путем смещения рисковой части («центра убытков») на должника с отделением от него «центра прибыли» обращает внимание Верховный Суд в деле А40-192270/2018 [22].

Отметим, что подход Верховного Суда не является новеллой в понимании группы компаний, поскольку немного ранее похожая позиция была сформирована апелляционным судом по иному делу с участием группы компаний МРСЭН [23]. Суд отметил, что между компаниями в составе МРСЭН (1) сложился определенный механизм сотрудничества, (2) общества осуществляли, по сути, единую хозяйственную деятельность[1] и (3) обладали общим экономическим интересом, в результате которой при заключении одной из них договора, требующего обеспечения, другая безусловно становилась поручителем, что фактически свидетельствует о формальности хозяйственных операций.

Сложившийся механизм сотрудничества, по сути, является частным примером признака наличия между компаниями определенных дозволений, запретов и ограничений. О механизме сотрудничества как признаке группы компаний упоминается в делах о банкротстве ООО «Ростовское Монтажное Предприятие-1 «Южтехмонтаж» [24], ОАО «ДВГСК» [25], ООО «Биллинг-Центр» [26] и ряде других. Интересно отметить, что в первых двух делах помимо согласованных действий по сотрудничеству суды также обращали внимание на общность экономических интересов и устойчивость хозяйственных связей как признак группы компаний.

Общий экономический интерес компаний как квалифицирующий признак был отмечен Верховным Судом в деле о банкротстве ООО «Хортица». Суд обратил внимание на то, что «помимо непосредственных персональных интересов у организации, входящей

1 Интересно, что члены группы компаний не обязательно должны заниматься одинаковым видом деятельности и не обязательно в рамках одного производственного комплекса. Например, в одном из дел бизнес данной группы компаний, контролируемый одним бенефициаром, условно делился на финансы, нефтедобычу и недвижимость (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2022 г. № 305-ЭС21-6122(3) по делу № А40-109791/2019).

в корпоративную группу, имеется, как правило, и групповой интерес, конечной целью которого является прибыльность деятельности группы в целом. Реализация группового интереса способствует не только процветанию корпоративной группы, но в то же время и каждого ее участника, в том числе того, который, формально пренебрегая своими персональными интересами, совершил для себя (и своих кредиторов) не выгодную сделку. Определяя баланс между общим интересом корпоративной группы и личными интересами ее участника, необходимо исходить из того, что не подлежат квалификации как незаконные те действия участника группы, которые будучи направленными на реализацию группового интереса, не стали причиной объективного банкротства такого участника» [27]. В данном деле банк, заемщики и залогодатель входили в одну группу компаний, которая контролировалась одним лицом. При этом большая часть всех кредитов, выдаваемых банком, направлялись на финансирование отельных сфер бизнеса бенефициара (в сфере недвижимости и нефтедобычи). Успешная деятельность банка по привлечению вкладов от третьих лиц являлась главным составляющим развития бизнеса в сфере нефтедобычи и недвижимости. Учитывая эти обстоятельства, суд пришел к выводу, что заключение оспариваемых обеспечительных договоров компаниями, входящими в группу нефтедобычи, в пользу своего финансового центра – банка – по ранее предоставленным им аффилированным заёмщикам необеспеченным кредитам могло иметь разумный экономический мотив – обеспечение выполнения предписаний регулятора с целью сохранения этой кредитной организации, находящейся под угрозой отзыва лицензии на осуществление банковских операций, к услугам которой периодически обращались члены группы для пополнения оборотных активов, развития их проектов при нехватке свободных денежных средств. Восстановление финансовой устойчивости входящего в группу банка позволило бы продолжить финансирование деятельности всей группы в целом. Как верно указал суд, указанный мотив может объяснить экономическую целесообразность совершенных обеспечительных сделок для группы в целом – спасти консолидированный, имеющий свой источник финансирования бизнес.

Таким образом, как мы заметили, такой признак, как *общая согласованная цель* реализуется не только в нормативной концепции (например, цель в Уставе и т.д.), но и в целях совершения конкретных сделок, где тоже может прослеживаться общий интерес, указывающий на единство группы компаний. На это обращает внимание суд и в деле о банкротстве ООО «Риверсайд». Так, Верховный Суд указал, что оспариваемая сделка направлена на поддержание имеющихся общих экономических целей группы компаний в сложных экономических условиях, вызванных противодействием распространения новой коронавирусной инфекции, в том числе с целью исключения риска возникновения общих для всех участников этой группы негативных последствий [28].

В настоящее время единый перечень признаков группы компаний, как и само определение в законодательстве отсутствует. При этом суды, квалифицируя несколько компаний как группу компаний, самостоятельно выделяют ряд признаков. На основе имеющейся судебной практики можно выделить следующие основные признаки:

– объединение юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей;

– объединение, не являющееся юридическим лицом;

– объединение на основе отношений влияния и контроля;

– с применением определенной системы дозволений, запретов и ограничений в случае признания объединения группой компаний как единому консолидированному субъекту права;

– наличие общего экономического интереса и согласованной цели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долотина Р. Р., Яругина А. Е. Пределы материальной консолидации в процедуре банкротства группы компаний с точки зрения защиты прав работников // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6 (210). С. 81–85 / URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_6_81 (дата обращения: 01.11.2022).

2. Дело № А81-7027/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Группа компаний: понятие, особенности правового положения / Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2019; Горбашев И. В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

4. Irit Mevorach, Insolvency within Multinational Enterprise Groups (OUP 2009).

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 9 апреля 2013 г. № 15570/12 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

6. Шишкин Р. Н. Дробление бизнеса: риски, налоговый контроль, судебная практика // Редакция «Российской газеты». 2018.

7. Корпоративное право: учебный курс. В 2-х томах / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2018.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 305-ЭС21-14470 (1, 2) по делу № А40-101073/2019.

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 1 сентября 2021 г. № Ф05-8397/2018 по делу № А40-39248/2017.

10. Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2022 г. № 307-ЭС22-9538 по делу № А42-7512/2016, Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2022 г. № 08АП-3990/2022 по делу № А70-6320/2021.

11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 9 сентября 2021 г. № Ф10-950/2013 по делу № А09-8452/2012.

12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 апреля 2021 г. № Ф08-2232/2021 по делу № А32-35684/2019.

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 августа 2018 г. № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006.

14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 февраля 2022 г. № Ф04-5778/2021 по делу № А27-10713/2019.

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 февраля 2020 г. № Ф07-18202/2019 по делу № А56-140617/2018, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23 марта 2021 г. № 07АП-552/2021 по делу № А27-15305/2020, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 мая г. 2019 № Ф06-41131/2018 по делу № А12-10979/2018.

16. Письмо ФАС России от 20 марта 2008 г. № АЦ/5969.

17. Письмо ФАС России от 25 марта 2008 г. № АЦ/6366.

18. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 ноября 2021 г. № Ф02-5399/2021 по делу № А19-3011/2019.

19. Определение Верховного Суда РФ от 11 января 2021 г. № 309-ЭС20-6574(3) по делу № А60-21121/2018.

20. Определение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2020 г. № 310-ЭС14-8672(7) по делу № А14-9240/2013.

21. Определение Верховного Суда РФ от 19 июня 2020 г. № 306-ЭС20-1077(2) по делу № А65-1704/2019.

22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 305-ЭС20-14492(2) по делу № А40-192270/201.

23. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2019 г. № 18АП-18930/2018 по делу № А76-24461/2018.

24. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 апреля 2021 г. № Ф08-1461/2021 по делу № А53-16594/2018.

25. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 сентября 2021 г. № Ф03-4931/2021 по делу № А51-16214/2015.

26. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 февраля 2020 г. № Ф07-59/2020 по делу № А21-11420/2017.

27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. № 305-ЭС20-11205(3) по делу № А40-83941/2018.

28. Определение Верховного Суда РФ от 29 июля 2022 г. № 305-ЭС22-1163 по делу № А40-237009/2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карелина Светлана Александровна
(Россия, Москва), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

AUTHOR'S DETAILS

Svetlana A. Karelina
(Russia, Moscow), Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Business Law of the Law Faculty of Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

УДК 346.1

Институт несостоятельности (банкротства): спорные вопросы теории и практики[1]

Белых В. С.

Аннотация: В данной статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие на сегодняшний день в правоприменительной практике при рассмотрении судами дел о банкротстве. В частности, автор уделяет внимание таким вопросам, как необходимость привлечения к участию в деле о банкротстве поручителя при рассмотрении судом требований кредиторов по обязательствам, обеспеченным поручительством, а также возможность включения в реестр требований кредиторов хозяйственного общества требования его участника (акционера), основанного на договоре займа. На основе анализа судебной практики по делам о банкротстве и специальной литературы автор формулирует некоторые выводы и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства о несостоятельности (банкротства) и практики его применения.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); спорные вопросы; включение требований в реестр; привлечение к участию в деле поручителя должника; ограничения требований для включения в реестр; недопустимость конкуренции требований для включения в реестр; случаи злоупотребления правом

Institute of Insolvency (Bankruptcy): Disputable Questions of Theory and Practice[2]

Vladimir S. Belykh

Abstract: This article considers some problems that currently arise in law enforcement practice of courts considering bankruptcy cases. In particular, the author focuses on such issues as the need to attract the guarantor to participation in bankruptcy cases when the court considers the claims of creditors on obligations secured by the guarantee, as well as the possibility of including the claims of its member (shareholder), based on the loan agreement, in the register of creditors of a business company. Based on the analysis of court practice on bankruptcy cases and special literature the author formulates some conclusions and recommendations aimed at improving the legislation on insolvency (bankruptcy) and practice of its application.

Keywords: insolvency (bankruptcy); controversial issues; including in the register of creditors' claims; involvement of the debtor's guarantor in the case; limitations of requirements for inclusion in the register of creditors' claims; inadmissibility of competition of requirements for inclusion in the register of creditors' claims; cases of abuse of law

1. О необходимости привлечения к участию в деле о банкротстве поручителя при рассмотрении судом заявлений о включении в реестр требований кредиторов требования кредитора по обязательству, обеспеченному поручительством. Исходя из положений ст. 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 4 ч. 4 ст. 270, п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ, при рассмотрении заявлений кредиторов о включении их требований в реестр требований кредиторов должника арбитражный суд привлекает к участию в рассмотрении данных заявлений лиц, о правах и об обязанностях которых принимается судебный акт. Вопрос о составе лиц, подлежащих привлечению к участию в рассмотрении заявления о включении требования в реестр кредиторов, решается судом с учетом конкретных обстоятельств. К участию

1 Ссылка для цитирования: Белых В. С. Институт несостоятельности (банкротства): спорные вопросы теории и практики// Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 19–27.

2 For Reference: Vladimir S. Belykh. Institute of Insolvency (Bankruptcy): Disputable Questions of Theory and Practice // Business, management and law. 2022. № 4. P. 19–27.

в рассмотрении заявления кредитора по обязательству, обеспеченному поручительством, по ходатайству должника, кредитора или по инициативе суда в качестве третьего лица, не заявившего самостоятельных требований относительно предмета спора (ст. 51 АПК РФ), может быть привлечен поручитель.

Вместе с тем не привлечение поручителя к участию в рассмотрении заявления кредитора о включении требования в реестр требований кредиторов должника не является основанием для отмены принятого по итогам рассмотрения такого заявления судебного акта (ст. 42, п. 4 ст. 270, п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ) [1].

2. Подлежат ли рассмотрению в деле о несостоятельности (банкротстве) и включению в реестр требований кредиторов хозяйственного общества требования по денежным обязательствам, основанным на договоре займа, принадлежащие участнику (акционеру) хозяйственного общества на дату введения в отношении должника процедуры наблюдения?

2.1. Общие положения. Хозяйственными товариществами и обществами признаются коммерческие организации с разделенным на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом. Имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), а также произведенное и приобретенное хозяйственным товариществом или обществом в процессе его деятельности, принадлежит ему на праве собственности (п. 1 ст. 66 ГК РФ)[1].

Последствия введения наблюдения есть не что иное, как существенное ограничение прав юридического лица – должника, устанавливаемое с целью избежать злоупотребления кредиторами, а также должником своими правами при осуществлении сделок, способных привести к ухудшению имущественного положения всех участников дела о банкротстве

В силу п. 1 ст. 807 Гражданского кодекса РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества. С экономической точки зрения отношения займа представляют собой одну из форм финансирования. Следовательно, в экономическом смысле денежные обязательства между хозяйственным обществом и его участником (акционером), основанные на договоре займа, следует рассматривать в качестве формы финансирования участником указанного юридического лица.

В соответствии с п. ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» под *несостоятельностью* (*банкротством*) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Неисполнение частью участников гражданского оборота имущественных обязательств, в силу глубокой взаимосвязанности экономических отношений, влечет нарушение естественного хода экономического процесса, создает предпосылки для кризиса, неплатежей и коллапса экономики как на минимальном (частном), так и на максимальном (публичном) уровне.

Институт банкротства следует рассматривать в качестве комплексного (межотраслевого) правового института. Являясь, по определению, институтом материального права он включает в себя значительное количество норм процедурно-процессуального свойства [2, с. 61–73]. Нормы законодательства о банкротстве, в отличие от других норм гражданского права, могут быть реализованы исключительно через судебные акты. Свидетельством этому является и тот факт, что законодатель в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» исключил возможность так называемого добровольного банкротства, т.е. банкротства, осуществляемого вне судебного процесса. Указанные обстоятельства позволяют сделать следующий вывод о механизме функционирования правовых норм, составляющих институт банкротства: материальное право устанавливает критерии банкротства, т.е. условия, при наличии которых участник экономического оборота предполагается банкротом де-факто, процессуальное право включает собственно механизм, связанный с изменением правового статуса такого участника, с принудительным внешним контролем за его деятельностью, погашением требований кредиторов и реализацией иных функций, которые приобретают публично-правовой характер. Из разряда обычных, обладающих равной с остальными правоспособностью, должник переходит в категорию особых, правоспособность которых определяется

1 См. более подробно: Российское предпринимательское право: учебник / отв. ред. В. С. Белых. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 103–138.

их правовым положением – объявленным судом статусом банкрота.

Последствия введения наблюдения есть не что иное, как существенное ограничение прав юридического лица – должника, устанавливаемое с целью избежать злоупотребления кредиторами, а также должником своими правами при осуществлении сделок, способных привести к ухудшению имущественного положения всех участников дела о банкротстве [3].

Таким образом, основным предназначением процессуальной части законодательства о банкротстве является установление в судебном процессе факта банкротства (несостоятельности) участника экономического оборота, влекущего особые условия его дальнейшего функционирования. Необходимость существования специальных процессуальных норм при рассмотрении арбитражными судами дел о банкротстве определяется двумя основными особенностями этой категории дел: публичностью и спецификой защиты права.

Публичный характер этих дел основан на установление факта несостоятельности (банкротства) участника экономического оборота, который влечет серьезные последствия для большого количества лиц: самого должника, работников должника – юридического лица или индивидуального предпринимателя, собственников или участников (акционеров) юридического лица, кредиторов должника, задолженность перед которыми будет погашаться в особом порядке, во многих случаях – для государства и иных публичных образований.

Специфика защиты права (должника или кредиторов) при рассмотрении дел о банкротстве заключается в том, что целью рассмотрения дела арбитражным судом является не решение спора и не установление факта, имеющего юридическое значение, а урегулирование конфликта, возникшего из-за неспособности участника экономического оборота расплатиться по своим долгам. При урегулировании конфликта суд должен учитывать баланс интересов множества лиц: самого должника, его работников и собственников имущества, кредиторов, а также публично-правовые и социально-экономические интересы. Хотя с внешней стороны правовой целью возбуждения дела о банкротстве и является, как правило, объявление должника банкротом, т.е. придание участнику экономического оборота особого статуса, позволяющего произвести расчеты с кредиторами, фактически институт банкротства (в проекции на его судебную составляющую) призван обеспечить более фундаментальные процессы, а именно сохранение стабильности гражданского оборота и воспрепятствование недобросовестным действиям со стороны его участников. Именно по этой причине процессуальные нормы законодательства о банкротстве являются особенными, направленными на создание условий, позволяющих при наличии объективно существующего положения должника как несостоятельного постепенно и с соблюдением всех законных интересов вывести должника из экономического оборота со всеми вытекающими последствиями.

Фундамент данной позиции был заложен, как известно, в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2002 г. № 14-П [4] и от 19 декабря 2005 г. № 12-П [5], согласно которым был дан вектор применения процедур банкротства как публично-правового механизма. Особо в Постановлении было отмечено, что «в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства».

Итак, ответ на поставленный вопрос требует не только формального рассмотрения спорных правоотношений между хозяйственным обществом и его участником (акционером) с точки зрения материально-правовой конструкции заемных отношений, но и требует рассмотрения указанных отношений с точки зрения публичного характера дел о несостоятельности (банкротстве) и необходимости обеспечения баланса интересов множества заинтересованных лиц.

2.2. Ограничения для включения требований участника (акционера) хозяйственного общества в реестр кредиторов, обусловленные его статусом. Установление особого порядка предъявления имущественных требований к должнику обусловлено необходимостью концентрации сведений об общей картине его финансового состояния и предупреждения неконтролируемого распыления его имущества [6]. При установлении требований кредиторов в деле о банкротстве установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности. В этой связи рассмотрим ряд спорных вопросов.

2.2.1. Недопустимость конкуренции требований участника (акционера) хозяйственного общества-банкрота с требованиями кредиторов по обязательствам частноправового свойства.

Действующим законодательством о несостоятельности (банкротстве) установлены меры, направленные на сохранение имущества должника в целях наиболее полного удовлетворения требований кредиторов, а также направленные на недопустимость погашения «внутренних» обязательств.

Более того, законодательствами многих стран предусматриваются различные ограничения на выкуп акций, неполную оплату акций (долей) в неденежной форме, оказание компанией финансовой помощи покупателям ее акций (долей), предоставление займов руководителям и учредителям (участникам) [7].

В соответствии с абз. 5 и 9 п. 1 ст. 63 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не допускаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп либо приобретение должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая), а также не допускается выплата дивидендов, доходов по долям (паям), распределение прибыли между учредителями (участниками) должника.

Как разъяснено в пункте «а» абзаца второго Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2009 г. № 129 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами положений абзаца второго пункта 1 статьи 66 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [8] поименованные в ст. 63 настоящего Закона действия (сделки) являются ничтожными.

Согласно абз. 8 ст. 2 указанного Закона конкурсными кредиторами признаются кредиторы по денежным обязательствам (за исключением учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия).

Пунктом 1 ст. 148 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено, что требования учредителей (участников) должника могут быть удовлетворены путем предъявления прав на имущество должника, которое предлагалось к продаже, но не было реализовано в ходе конкурсного производства.

В соответствии с п. 7 ст. 63 Гражданского кодекса Российской Федерации оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество юридического лица передается его учредителям (участникам), имеющим вещные права на это имущество или обязательственные права в отношении этого юридического лица, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или учредительными документами юридического лица.

Разъясняя практику применения абз. 8 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» Конституционный Суд РФ в п. 2 Определения от 27 января 2011 г. № 75-О-О [9] указал, что непризнание учредителей (участников) должника конкурсными кредиторами не противоречит законодательству о банкротстве, поскольку характер обязательств учредителей (участников) должника непосредственно связан с ответственностью названных лиц за деятельность общества в пределах стоимости принадлежащих им долей. Кроме того, закон не лишает их права претендовать на часть имущества ликвидируемого общества, оставшегося после расчетов с другими кредиторами.

С учетом изложенного учредители (участники) юридического лица (должника) по правоотношениям, связанным с таким участием, не могут являться конкурсными кредиторами в деле о банкротстве, а их требования, не подлежат рассмотрению в деле о банкротстве. Учредители (участники) должника-юридического лица несут риск отрицательных последствий, связанных с его деятельностью, и могут заявлять требования лишь на имущество, оставшееся после удовлетворения требований всех других кредиторов. Итак, обязательства перед учредителями (участниками) должника-юридического лица, вытекающие из такого участия, носят «внутренний» характер и не могут конкурировать с «внешними» обязательствами, т.е. с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками оборота.

С одной стороны, как справедливо отмечает Е. А. Суханов, «...действующее российское законодательство, основанное на принципе отделения имущества юридического лица и его участников (учредителей), по общему правилу исключает взаимную имущественную ответственность юридического лица и его учредителя (участника) – в соответствии с абзацем 1 пункта 3 статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации учредитель (участник) юридического лица не отвечает по обязательствам юридического лица, а последнее не отвечает по обязательствам своего учредителя (участника), за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом либо учредительными документами юридического лица» [10]. С другой стороны, уставный капитал хозяйственного общества составляется из стоимости долей (акций), приобретенных его участниками (акционерами) (см. статьи 90 и 99 ГК РФ). Напомним, что по выражению С. С. Алексеева, акции (доли) в своем денежном выражении создают работающий (реальный) капитал, в котором стоимость образует новую стоимость [11], которая характеризует экономическое состояние общества и является необходимым условием для нормального его функционирования.

Таким образом, необходимость установления правовой конструкции ограничения включения в реестр требований кредиторов должника требований учредителей (участников) предопределена тем, что именно участники (акционеры) хозяйственного общества – должника,

составляющие в совокупности высший орган управления обществом (общее собрание участников (акционеров)), к моменту введения процедуры наблюдения ответственны за эффективную деятельность общества и, соответственно, несут определенный риск наступления негативных последствий, вызванных неэффективным управлением компанией в условиях отсутствия взаимной имущественной ответственности.

Более того, подчеркнем, что позиция о принципиальной невозможности предъявления каких-либо требований участников (наряду с кредиторами) к должнику находит свое достаточно убедительное подтверждение в судебно-арбитражной практике, в частности, в следующих судебных актах:

– в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 июня 2013 г. № 3810/13 по делу № А40-79131/11-74-348 «Б» [12];

– в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 10254/10 по делу № А45-808/2009 [13];

– в Постановлении ФАС Уральского округа от 17 декабря 2012 г. № Ф09-11415/12 по делу № А60-42336/2011 [14];

– в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 11 октября 2011 г. по делу № А26-8276/2010 [15];

– в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2011 г. № 17АП-5831/2011-ГК по делу № А60-45150/2010 [16];

– в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2013 г. по делу № А32-1530/2012 [17];

– а также в иных судебных актах.

Таким образом, наличие требований у участника (акционера) хозяйственного общества к данному хозяйственному обществу, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве и введена процедура наблюдения (если данные требования касаются денежных средств, предоставленных по договору займа), должно рассматриваться в качестве признаков применения участником (акционером) альтернативных механизмов финансирования указанного общества. Одновременно это является показателем того, что соответствующий участник (акционер) недостаточно использовал механизмы прямой капитализации хозяйственного общества, а именно путем увеличения уставного капитала. Установление перечисленных фактов не означает, что применение альтернативных механизмов финансирования хозяйственного общества позволит обойти и проигнорировать правило, в силу которого требования участника (акционера) не подлежат включению в реестр требований кредиторов в соответствии с прямым предписанием упомянутого закона (абз. 8 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

2.2.2. Недопустимость конкуренции требований участника (акционера) хозяйственного общества – банкрота с требованиями кредиторов по обязательствам публично-правового свойства.

Необходимость установления правовой конструкции ограничения включения в реестр требований кредиторов должника требований учредителей (участников) предопределена тем, что именно участники (акционеры) хозяйственного общества – должника, составляющие в совокупности высший орган управления обществом (общее собрание участников (акционеров)), к моменту введения процедуры наблюдения ответственны за эффективную деятельность общества и, соответственно, несут определенный риск наступления негативных последствий, вызванных неэффективным управлением компанией в условиях отсутствия взаимной имущественной ответственности

Как следует из абзацев 8 и 9 ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в перечень конкурсных кредиторов не входят уполномоченные органы, что требует анализа применимости обозначенного подхода к возможной конкуренции требований участника с требованиями по исполнению публично-правовых обязательств.

В первую очередь следует отметить, что понятия «кредиторы», «конкурсные кредиторы» и «уполномоченные органы» определенным образом связаны [18]. Законодатель отчасти приравнял к кредиторам – лицам, имеющим права требования к должнику по гражданско-правовым денежным обязательствам, лиц, имеющих права требования к должнику по уплате задолженности по обязательным (в т.ч. налоговым) платежам (субъектов публичного права).

При этом различия в правовом статусе конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в призме

пропорционального удовлетворения требований в рамках дела о банкротстве носят некритичный характер, поскольку таковые погашаются в рамках одной очереди в силу п. 1 ст. 137 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Таким образом, разница в определении понятий, применяемых в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» не может влиять на отношения конкуренции требований уполномоченных органов с требованиями (участника) акционера хозяйственного общества.

2.3. Ограничения, обусловленные запретом на злоупотребление правом, в т.ч. на совершение действий, направленных во вред иным участникам гражданско-правовых отношений.

Заявления участниками (учредителями) должника, требований о включении в реестр требований кредиторов во многих случаях могут быть оставлены без удовлетворения как действия, совершаемые в целях злоупотребления правом.

Как следует из п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 35 от 22 июня 2012 г. «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» [19]:

Оформленное договорами займа и транзитное перечисление денежных средств (например, при получении кредитором переданных в заём денежных средств по договорам займа при отсутствии доказательств исполнения обязанности по возврату займа) может свидетельствовать о недобросовестном поведении сторон, направленном на искусственное увеличение кредиторской задолженности, а также о формальном характере перечислений, имеющих своей исключительной целью установление доминирующего контроля над процедурой несостоятельности (банкротства)

«В силу пунктов 3–5 статьи 71 и пунктов 3–5 статьи 100 Закона о банкротстве проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором – с другой стороны. При установлении требований кредиторов в деле о банкротстве судам следует исходить из того, что установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности».

Таким образом, законодателем и высшей судебной инстанцией установлен подход, согласно которому повышенное внимание судов должно быть уделено проверке обоснованности требований при включении таковых в реестр требований кредиторов.

В связи с этим для лиц, участвующих в деле о банкротстве (конкурсных кредиторов, арбитражного управляющего) предусмотрена возможность обжалования судебных актов, которыми подтверждается размер и состав задолженности, включаемой в реестр (в том случае, если потенциальный кредитор требует включить требование в реестр на основании судебного акта) – пункт 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 35 от 22 июня 2012 г. «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

Установление широкого круга возможностей для проверки обоснованности требований кредитора является гарантией недопущения включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих реальные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При квалификации действий субъекта в качестве злоупотребления следует руководствоваться основным критерием: цель соответствующих действий – причинения вреда. Иначе говоря, как отмечается в литературе:

«Объединяющим началом злоупотреблений является целевая направленность действий правообладателя, связанная с получением за счет других участников оборота выгод или компенсаций, либо чрезмерных по отношению к понесенным правообладателем затратам, либо несоразмерно незначительных по отношению к последствиям нарушения его прав или причиненных другим субъектам неудобств...» [20].

В процедурах несостоятельности с учетом корреспондирования суммы денежных требований и количества голосов на собрании кредиторов, такой целью зачастую является получение «контрольного пакета»

для обеспечения принятия основных решений на собрании кредиторов.

В связи с имеющими место примерами злоупотреблений правом при искусственном создании задолженности должника перед определенным кредитором для целей включения его в реестр в судебной практике выработан подход, согласно которому оформленное договорами займа и транзитное перечисление денежных средств (например, при получении кредитором переданных в заём денежных средств по договорам займа при отсутствии доказательств исполнения обязанности по возврату займа) может свидетельствовать о недобросовестном поведении сторон, направленном на искусственное увеличение кредиторской задолженности, а также о формальном характере перечислений, имеющих своей исключительной целью установление доминирующего контроля над процедурой несостоятельности (банкротства). Подобная правовая позиция, в частности, обозначена в следующих судебных актах:

– в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 677/10 от 25 мая 2010 г. [21];

– в Определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № ВАС-5195/13 по делу № А40-93492/12-86-249 [22];

– в Постановлении ФАС Уральского округа от 20 февраля 2014 г. по делу № А71-15246/2012 [23];

– в Постановлении ФАС Уральского округа от 5 марта 2014 г. по делу № А71-15246/2012 [24];

– в Постановлении ФАС Уральского округа от 5 апреля 2013 г. № Ф09-1107/13 по делу № А50-6583/2012 [25];

– в Постановлении ФАС Уральского округа от 15 августа 2012 г. № Ф09-10781/10 по делу № А50-38095/2009 [26];

– в Постановлении ФАС Центрального округа от 9 февраля 2012 г. по делу № А35-409/2011 [27];

– в Постановлении ФАС Центрального округа от 31 января 2012 г. по делу № А68-7221/10 [28].

Нарушение принципа добросовестности само по себе может являться достаточным основанием для отказа лицу в защите его права, при этом данный принцип в силу своей универсальности не может иметь ограничений в зависимости от сферы применимых правоотношений, что подтверждается, в частности, его обоснованным применением в публичных правоотношения; например, «практика Конституционного Суда Российской Федерации, арбитражных судов и судов общей юрисдикции показывает, что юридические конструкции «добросовестность» и «злоупотребление» оказываются востребованными в налоговом праве» [29].

В силу ст. 6 Гражданского кодекса РФ в случаях, когда предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона). При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Применяемое судами телеологическое (исходящее из целей законодателя) толкование закона при рассмотрении вопросов о включении требований участников (акционеров) в реестр позволяет в определенной мере нивелировать принцип автономности[1] юридического лица, что соответствует разрабатываемой концепции снятия корпоративных вуалей и позволяет обнажить реальную бизнес-структуру.

При изложенном понимании правового института несостоятельности (банкротства), исходя из публичного характера дел о несостоятельности (банкротстве) и необходимости равного обеспечения баланса интересов множества заинтересованных лиц, правовым эффектом юридического факта «недокапитализации» общества при наличии у его участника (акционера) к моменту введения процедуры наблюдения денежных требований, основанных на договоре займа, является невозможность их конкуренции с внешними обязательствами хозяйственного общества, т.е. с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками гражданского оборота на основании положений ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзаца 8 статьи 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

При этом не имеет правового значения различие моментов приобретения статуса участника (акционера) и возникновения обязательств [30, 31], основанных на договоре займа, равно как не имеет правового значения основания приобретения участником (акционером) соответствующих прав требований: непосредственная передача денежных средств участником (акционером) обществу или приобретение соответствующих прав в результате правопреемства. Существенное правовое значение имеет лишь наличие соответствующих прав требований у участника (акционера) хозяйственного

1 См. первое упоминание данного принципа в Деле «Salomon v. A. Salomon & Co.», 1897 г.

общества к моменту возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) и введения процедуры наблюдения. Последующая (после возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) и введения процедуры наблюдения) передача рассматриваемых прав требований на основании правопреемства иному лицу, по нашему убеждению, не может влечь изменение их правовой квалификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рекомендации НКС при Арбитражном суде УО № 2/2011.
2. Белых В. С. Несостоятельность (банкротство): соотношение материального и процессуального права // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 61–73.
3. Бруско Б. С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер, 2006.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2002 г. № 14-П.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П.
6. Попондопуло В. Ф. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)», постатейный, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.
7. Колиниченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве. Сравнительно-правовой анализ. М.: Статут, 2010.
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2009 г. № 129 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами положений абзаца второго пункта 1 статьи 66 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2011 г. № 75-О-О.
10. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.
11. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. М., 2008.
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 июня 2013 г. № 3810/13 по делу № А40-79131/11-74-348 «Б».
13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 10254/10 по делу № А45-808/2009.
14. Постановление ФАС Уральского округа от 17 декабря 2012 г. № Ф09-11415/12 по делу № А60-42336/2011.
15. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11 октября 2011 г. по делу № А26-8276/2010.
16. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2011 г. № 17АП-5831/2011-ГК по делу № А60-45150/2010.
17. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2013 г. по делу № А32-1530/2012.
18. Попондопуло В. Ф. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)», постатейный, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.
19. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 35 от 22 июня 2012 г. «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».
20. Белых В. С., Избрехт П. А. Злоупотребление субъективными гражданскими правами в предпринимательских отношениях // Арбитражные споры. 2008. № 4.
21. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 677/10 от 25 мая 2010 г.
22. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № ВАС-5195/13 по делу № А40-93492/12-86-249.
23. Постановление ФАС Уральского округа от 20 февраля 2014 г. по делу № А71-15246/2012.
24. Постановление ФАС Уральского округа от 5 марта 2014 г. по делу № А71-15246/2012.
25. Постановление ФАС Уральского округа от 5 апреля 2013 г. № Ф09-1107/13 по делу № А50-6583/2012.
26. Постановление ФАС Уральского округа от 15 августа 2012 г. № Ф09-10781/10 по делу № А50-38095/2009.
27. Постановление ФАС Центрального округа от 9 февраля 2012 г. по делу № А35-409/2011.
28. Постановление ФАС Центрального округа от 31 января 2012 г. по делу № А68-7221/10.
29. Винницкий Д. В. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в сфере налогообложения // Право и экономика. № 1. 2003.
30. Определение ВАС РФ от 6 октября 2010 г. № ВАС-10254/10 по делу № А45-808/2009.
31. Постановление ФАС Уральского округа от 5 мая 2008 г. № Ф09-3022/08-С4 по делу № А47-16264/2005-14ГК.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Владимир Сергеевич
(Россия, Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, директор Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права, e-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir S. Belykh
(Russia, Ekaterinburg), Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 346.1

О некоторых вопросах реализации заложенного имущества в рамках дела о банкротстве[1]

Запорощенко В. А.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты реализации заложенного имущества в рамках дела о банкротстве. Автор анализирует отдельные правомочия залогового кредитора, последствия продажи заложенного имущества на торгах в процедурах банкротства. Особое внимание уделено вопросам, вытекающим из одновременного предоставления в залог доли в уставном капитале общества – должника и имущества, принадлежащего такому обществу, в том числе вопросам признания сделок по предоставлению имущества общества в залог недействительными, вопросы возможного ущемления прав покупателя доли в уставном капитале дочернего общества в рамках процедуры банкротства основного общества. По результатам проведенного анализа автором представлено свое видение разрешения обозначенной проблематики. Выводы сформулированы с учетом подходов, выработанных судебной практикой по делам о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство; залог; предмет залога; прекращение залога; залог доли в уставном капитале; залоговый кредитор; правомочия залогового кредитора; последствия продажи заложенного имущества в рамках дела о банкротстве

On Certain Issues of Pledged Property Disposition in Bankruptcy Cases[2]

Viktor A. Zaporoshchenko

Abstract: The article deals with some aspects of the pledged property disposition in bankruptcy proceedings. The author analyzes the individual powers of the pledge lender, the consequences of the sale of pledged property at auction in bankruptcy proceedings. Particular attention is paid to issues arising from the simultaneous provision of a share in the authorized capital of a debtor company and property belonging to such a company, including the recognition of transactions on the provision of the company's property as collateral invalid, the issues of possible infringement of the rights of the buyer of a share in the authorized capital of a subsidiary in the framework of the bankruptcy procedure of the main company. According to the results of the analysis, the author presents his vision of resolving the specified problems. Conclusions are formulated taking into account the approaches developed by bankruptcy court practice.

Keywords: bankruptcy; pledge; the subject of pledge; termination of pledge; pledge of a share in the authorized capital; collateral lender; powers of the collateral creditor; consequences of the sale of pledged property in the framework of a bankruptcy case

Как следует из положения абз. 6 п. 5 ст. 18.1 Закона о несостоятельности, «продажа заложенного имущества в соответствии с настоящей статьей влечет за собой прекращение залога в отношении конкурсного кредитора, по требованию которого обращено взыскание на предмет залога».

Высший Арбитражный Суд РФ дополнительно подчеркнул, что продажа заложенного имущества в порядке, предусмотренном Законом о несостоятельности (в том числе применительно к абз. 6 п. 5 ст. 18.1), приводит к прекращению права залога в силу закона (п. 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда

1 Для цитирования: Запорощенко В. А. О некоторых вопросах реализации заложенного имущества в рамках дела о банкротстве // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 28–32.

2 For Reference: Viktor A. Zaporoshchenko. On Certain Issues of Pledged Property Disposition in Bankruptcy Cases // Business, management and law. 2022. № 4. P. 28–32.

РФ № 58 от 23 июля 2009 г. «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» [1]).

Как видно, приведенная норма регулирует взаимоотношения между должником и кредитором, имеющим право на преимущественное удовлетворение своих требований за счет денежных средств, вырученных от продажи имущества, предоставленного такому кредитору в залог[1].

Идея, заложенная в абз. 6 п. 5 ст. 18.1 Закона о несостоятельности, в полной мере соответствует обеспечительной функции залога, которая прекращает свое действие с момента реализации предмета залога. Предложенная законодателем формулировка идет в развитие подходов, обозначенных в ст. 352 ГК РФ, раскрывающей случаи прекращения залога, и не вызывает сложностей в сфере правоприменения.

Однако недостаточно однозначной представляется ситуация, когда заложенное имущество вносится в уставный капитал дочернего общества, доля в котором продается в последствии при банкротстве основного общества. Вправе ли в такой ситуации залоговый кредитор претендовать на удовлетворении своих требований за счет заложенного имущества, внесенного в уставный капитал дочернего общества, после получения частичного удовлетворения за счет продажи заложенной доли дочернего общества в деле о банкротстве, стоимость которой была определена с учетом цены принадлежащего этому обществу заложенного имущества?

Итак, законодатель (с учетом разъяснений, содержащихся в правоприменительной практике) оперирует такими категориями как «прекращение залога» (прекращение права залога) и «предмет залога». Иными словами, прослеживается связь между залоговым правом кредитора и конкретным (определенно обозначенным) предметом залога. Таким предметом залога может быть, например, вещь или имущественное право, имеющие ценность и возможность быть реализованным в целях удовлетворения требования кредитора. Соответственно, прекращение залога влечет утрату возможности получения удовлетворения за счет его предмета.

Недостаточно однозначной представляется ситуация, когда заложенное имущество вносится в уставный капитал дочернего общества, доля в котором продается в последствии при банкротстве основного общества

Сказанное справедливо, в том числе и для тех ситуаций, когда залоговый кредитор, в силу тех или иных обстоятельств, не реализовал свое залоговое право. Верховный суд РФ, раскрывая данный тезис, указал, что «при реализации имущества на торгах в рамках дела о банкротстве организации происходит прекращение прав третьих лиц на данное имущество, и покупатель получает вещь свободной от каких-либо правопритязаний... Залогодержатель, не воспользовавшись своим правом на включение в реестр обеспеченных залогом требований, фактически отказывается от преимуществ, предоставляемых установленным в его пользу обременением» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 308-ЭС16-1368 от 26 мая 2016 г. по делу № А53-13780/2015 [2])[2]. Соответственно, продажа с торгов в рамках дела

1 Верховный Суд РФ отмечает, что «ключевой характеристикой требования залогодержателя является то, что он имеет безусловное право в рамках дела о банкротстве получить удовлетворение от ценности заложенного имущества приоритетно перед остальными (в том числе текущими) кредиторами» (п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 г.). Однако следует помнить, что правомочия, вытекающие из залоговых правоотношений не тождественны возможностям, сопутствующим иным законным ограничениям на распоряжение имуществом. Так, запрет на распоряжение имуществом должника, наложенный в судебном или ином установленном законом порядке в пользу кредитора, не предоставляет последнему прав, предусмотренных ст. 18.1 и 138 Закона о несостоятельности (п. 18 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г.).

2 Однако отметим, что среди ученых встречается и иной подход к сложившейся ситуации. Карелина С. А. отметила, что «если в деле о банкротстве гражданина требования залогодержателя не были установлены, реализация предмета залога, в силу императивного указания нормы абз. 6 п. 5 ст. 18.1 Закона о банкротстве, не влечет прекращения залоговых правоотношений, поскольку осуществляется в целях удовлетворения требований всех кредиторов залогодателя, а не залогодержателя. Если требования залогодержателя были установлены как денежные требования кредитора третьей очереди без указания на наличие статуса залогового кредитора, реализация заложенного имущества также не влечет прекращения залоговых правоотношений, поскольку обращение взыскания на предмет залога осуществлялось не по требованию данного кредитора. Лицо, чьи требования обеспечены залогом, не заявившее требования к должнику или не заявившее их как обеспеченные залогом, вправе обратить взыскание на предмет залога, реализованный третьему лицу в процедуре банкротства. Причем предъявление такого требования возможно в период после перехода права собственности на предмет залога к покупателю и до вынесения судом определения о завершении реализации имущества гражданина» (Карелина С. А. Система ограничений прав кредиторов как элемент механизма правового регулирования несостоятельности (банкротства) гражданина. Часть 2 // Право и экономика. 2020. № 12).

о банкротстве находящейся в залоге доли в уставном капитале дочернего общества влечет прекращение права залога на указанную долю.

Действующему законодательству известны ситуации, когда залог распространяется не только на его предмет, но и на иные ценности, связанные с ним (например, страховое возмещение за утрату или повреждение заложенного имущества, причитающееся залогодателю возмещение, предоставляемое взамен заложенного имущества и другие (п. 2 ст. 334 ГК РФ).

Однако расширительное использование категории «прекращение залога» с распространением последствий такого прекращения на вещи, а также имущественные (неимущественные) права, не входящие непосредственно в предмет залога (пусть даже и влияющие на формирование его стоимости) вряд ли представляется оправданным.

С точки зрения действующего законодательства доля в уставном капитале общества и имущество, принадлежащее такому обществу, являются самостоятельными объектами гражданских прав, причем, как правило, принадлежащие разным лицам (правообладателям)[1]. Так, в большинстве своем, если владельцем имущества, имеющегося на балансе общества, выступает непосредственно само юридическое лицо, то его участниками – собственниками долей в уставном капитале являются третьи лица.

Такой порядок вещей позволяет заключать договоры залога, как в отношении доли в уставном капитале общества, так и в отношении имущества, принадлежащему такому обществу.

Залоговый кредитор сохраняет право на получение удовлетворения за счет денежных средств, которые могут быть получены в результате реализации предмета залога, принадлежащего обществу, после продажи доли в уставном капитале этого общества на торгах в рамках процедуры банкротства основного общества

Полагаем, что положение абз. 6 п. 5 ст. 18.1 Закона о несостоятельности в случае реализации доли в уставном капитале общества, выступающей предметом залога, не может служить основанием для прекращения залога в отношении имущества, принадлежащего такому обществу и заложенному в пользу этого же кредитора по самостоятельным договорам залога.

Доля в уставном капитале общества и имущество общества не являются тождественными объектами (тождественными заложенными объектами). Соответственно, залоговый кредитор сохраняет право на получение удовлетворения за счет денежных средств, которые могут быть получены в результате реализации предмета залога, принадлежащего обществу, после продажи доли в уставном капитале этого общества на торгах в рамках процедуры банкротства основного общества.

Важно отметить, что действия основного общества (должника в рамках дела о банкротстве) по внесению имущества в уставный капитал дочернего общества представляют собой распоряжение активами такого должника и, как следствие, могут быть подвергнуты анализу на предмет наличия нарушений, влекущих причинение вреда имущественным интересам его кредиторов. Соответствующие возможности по оспариванию сделок (действий) предоставлены положениями главы III.1 Закона о несостоятельности. Правомочиями по подаче заявлений о признании сделок (действий) недействительными наделены внешний управляющий или конкурсный управляющий (в зависимости от процедуры банкротства), а также конкурсный кредитор или уполномоченный орган, если размер кредиторской задолженности перед ними, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов (пп. 1, 2 ст. 61.9 Закона).

В целом вопрос об установлении фактов наличия оснований для оспаривания действий (сделок) по внесению имущества в уставный капитал зависит от множества обстоятельств, которые могут повлиять на правовую квалификацию. Вместе с тем, следует помнить, что предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о несостоятельности основания недействительности сделок влекут оспоримость, а значит сделки (действия) будут действительными до тех пор, пока суд не установит обратное (ст. 166 ГК РФ, п. 4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 63 от 23 декабря

1 По мнению Белых В. С., «имущество» – это «собирательное понятие»; данный термин включает в себя «вещи и иное имущество, в том числе имущественные права» (Российское предпринимательское право: учебник. 2-е издание / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2022. С. 310 (автор параграфа 1 главы 6 – Белых В. С.). Доля участия в обществе (доля в уставном капитале общества) – «это совокупность прав и обязанностей в определенном объеме (размере) каждого участника в отношениях с обществом» (Российское предпринимательское право: учебник. 2-е издание / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2022. С. 118 (автор параграфа 3 главы 3 – Звездина Т. М.).

2010 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [3]).

Однако, несмотря на сделанные выше выводы, не можем обойти стороной имеющийся, на наш взгляд, факт ущемления прав покупателя доли в уставном капитале дочернего общества в рамках процедуры банкротства основного общества.

Думается, что в ситуации, когда:

– приобретатель не был уведомлен о залоговых обременениях имущества дочернего общества,

– информация о залоговых обременениях на имущество дочернего общества отсутствовала в публичных источниках, в том числе в документах, посвященных (сопутствующих) торговой процедуре,

– стоимость доли дочернего общества определялась оценщиком без учета факта обременения залогом, принадлежащего ему имущества,

– имеются предпосылки для введения добросовестных участников торгов (приобретателей) в заблуждение относительно предмета таких торгов.

Надлежащая информация о предмете торгов призвана сформировать у заинтересованного лица полное представление о нем, а также о надлежащем способе его приобретения. Неверное описание предмета торгов, искажение сведений о его характеристиках, умышленное утаивание значимой информации не только этому не способствует, но и влечет формирование ошибочного представления о стоимости – ценности такого предмета торгов для приобретателя.

Не должны вводить в заблуждение и ответы организатора торгов, если потенциальный участник обратится к нему за разъяснениями, необходимыми для принятия решения об участии в них; игнорирование вопросов также не может расцениваться в качестве добросовестного поведения. В частности, постановлением от 12 сентября 2019 г. по делу № А21-6011/2018 Арбитражный суд Северо-Западного округа [4] оставил в силе решение антимонопольного органа об отмене торгов, указав, что отсутствие ответа арбитражного управляющего на запрос потенциального участника торгов о предоставлении информации о предмете торгов привело к ограничению конкуренции и ограничению круга потенциальных участников торгов, поскольку не позволили обратившемуся лицу принять итоговое решение об участии в торгах.

Сложно оценивать в качестве добросовестного и поведение самого залогового кредитора. Стремление обеспечить возврат долга за счет обременения любых активов должника и лиц, входящих с ним в одну группу (в контексте ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ от 26 июля 2006 г.), понятны. Однако это не должно влечь необоснованного обогащения залогового кредитора за счет лиц, участвующих в выкупе реализуемых предметов залога, путем понуждения их к чрезмерным тратам – оплате цены, превышающей реальную рыночную стоимость приобретаемых активов, пусть и путем реализации внешне законных механизмов.

Фактически (в контексте сформулированных в настоящей статье вопросов), обращение взыскания на заложенное имущество общества, в условиях состоявшегося частичного удовлетворения требований залогового кредитора за счет денежных средств, вырученных от продажи доли в уставном капитале такого общества в процедуре банкротства основного общества, направлено на получение с приобретателя доли (нового собственника дочернего общества) «повторной оплаты» имущества, ценность которого уже была учтена и выплачена при приобретении им доли в таком обществе. Несмотря на то, что юридически собственником имущества является непосредственно само общество, и именно к нему могут быть предъявлены требования об обращении взыскания на заложенное имущество (внесенное некогда в уставный капитал), считаем возможным использование указанной выше расширительной трактовки о «повторности оплаты» и об ущемлении интересов приобретателя доли в уставном капитале общества. В конечном итоге прибыльность (убыточность) общества влияет на имущественные интересы участника общества (покупателя доли в уставном капитале общества) в виде получения (неполучения) в будущем дивидендов, ликвидационной стоимости или необходимости внесения дополнительных денежных средств в целях удовлетворения требований залогового кредитора. А наличие сведений о нахождении в залоге имущества, принадлежащего обществу, долю в уставном капитале которого намерено приобрести заинтересованное лицо, несомненно, является существенным обстоятельством, влияющим на определение им покупной цены.

Представляется, что поведение залогового кредитора, стремящегося получить удовлетворение своих требований и за счет заложенной доли в уставном капитале общества, и за счет заложенного имущества, принадлежащего такому обществу (в контексте рассматриваемой ситуации, когда стоимость доли в уставном капитале общества определена без учета факта обременения принадлежащего ему имущества залогом), в силу ст. 10 ГК РФ может быть расценено судом как недобросовестное осуществление гражданских прав (при наличии условий, свидетельствующих о злоупотреблениях с его стороны). В завершении напомним, что в соответствии

с п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 58 от 23 июля 2009 г. «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 308-ЭС16-1368 от 26 мая 2016 г. по делу № А53-13780/2015.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 63 от 23 декабря 2010 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 сентября 2019 г. по делу № А21-6011/2018.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Запорощенко Виктор Александрович
(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, e-mail: zva-1980@bk.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Viktor A. Zaporoshchenko
(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: zva-1980@bk.ru.

УДК 346.1

Соотношение оснований для оспаривания сделок и оспаривания действий по исполнению сделок [1]

Калугин В. Ю.

Аннотация: Как показывает статистика, в настоящее время одним из наиболее часто используемых способов наполнения конкурсной массы является обращение кредиторов или арбитражного управляющего в суд с заявлением о признании сделок должника недействительными. Тем не менее использование данного способа защиты прав вызывает ряд вопросов – к примеру, необходимо ли квалифицировать действие по исполнению сделки также как сделку и признавать также недействительной с целью возможности применения реституции. Описанные обстоятельства предопределили тематику и актуальность настоящего исследования. Статья посвящена вопросам конкурсного оспаривания в делах о банкротстве, соотношению понятий «сделка» и «действия по исполнению сделки», разных оснований для оспаривания сделок. В рамках настоящей статьи автором отдельное внимание уделено возможности и необходимости признания недействительными наравне со сделками также действий по их исполнению.

Ключевые слова: банкротство; конкурсная масса; конкурсное оспаривание; сделки; договор; действия по исполнению сделок; основания для оспаривания сделок

Correlation of Grounds for Challenging Transactions and Challenging Actions to Execute Transactions [2]

Vladimir Y. Kalugin

Abstract: Statistics show that currently one of the most frequently used methods of filling the bankruptcy estate is the application of creditors or a bankruptcy trustee to the court to invalidate the debtor's transactions. Nevertheless, the use of this method of rights protection raises a number of questions – for example, whether it is necessary to qualify the act of execution of a transaction as a transaction and to recognize it as invalid in order to apply restitution. The described circumstances predetermined the theme and relevance of the present study. The article is devoted to the issues of bankruptcy challenge in bankruptcy cases, the correlation of the concepts of «transaction» and «actions on the execution of the transaction», different grounds for challenging transactions. Within the framework of this article, the author pays special attention to the possibility and necessity of invalidation on a par with transactions also actions on their execution.

Keywords: bankruptcy; bankruptcy estate; competitive dispute; transactions; contract; actions to execute transactions; grounds for challenging transactions

Современная практика рассмотрения дел о банкротстве демонстрирует нам не самую высокую эффективность процедур, применяемых в делах о банкротстве [1][3]. Так, по итогам 2021 г. было завершено 7249 процедур конкурсного производства юридических лиц. В 58,4% случаев кредиторы получили 0. Из 3439 завершенных процедур конкурсного производства в первой половине 2022 г. аналогичный результат наблюдался в 57,1% случаев. В целом же из 4 486 800 000 000 рублей требований, включенных в реестры требований кредиторов

1 Ссылка для цитирования: Калугин В. Ю. Соотношение оснований для оспаривания сделок и оспаривания действий по исполнению сделок // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 33–37.

2 For Reference: Vladimir Yr. Kalugin. Correlation of Grounds for Challenging Transactions and Challenging Actions to Execute Transactions // Business, management and law. 2022. № 4. P. 33–37.

3 Приведенные ниже данные взяты из Статистического бюллетеня Федресурса по банкротству // URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2030%20июня%202022.pdf (дата обращения: 05.12.2022)

несостоятельных должников сумма удовлетворенных требований составила 159 100 000 000 рублей или 3,5%. Статистика за первое полугодие 2022 г. лучше, но тоже не впечатляет: удовлетворены только 5,9% от общего числа требований.

В делах о банкротстве граждан ситуация схожая. Из 485 600 000 000 рублей требований, включенных в реестры в 2021 г. удовлетворены только 24 100 000 000, или 5%. За первое полугодие 2022 г. процент удовлетворенных требований составил 6,2%.

Несмотря на невысокую эффективность, количество дел о банкротстве остается на стабильно высоком уровне. В 2021 г. признаны банкротами 10 317 компаний, в первом полугодии 2022 г. – 5191. При этом в 68,5% случаев инициаторами дел о банкротстве становятся кредиторы, а еще в 23,7% случаев – налоговые органы, то есть те, кто, казалось бы, не ждет от банкротства сколь-нибудь существенных результатов.

Несмотря на невысокую эффективность процедур банкротства в целом, отдельные мероприятия, проводимые в рамках дел о банкротстве, оказываются результативными. Одним из таких мероприятий является конкурсное оспаривание, то есть оспаривание сделок по специальным основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Несмотря на невысокую эффективность процедур банкротства в целом, отдельные мероприятия, проводимые в рамках дел о банкротстве, оказываются результативными

Количество заявлений об оспаривании сделок, поданных в процедурах банкротства, растет год от года. Если в 2015 г. таких заявлений было принято 3402, то по итогам 2021 г. – 17061. В первом полугодии 2022 г. таких заявлений подано 8999. Результативность таких заявлений год от года стабильна: порядка 42–47% от общего числа принятых судами заявлений.

Конкурсное оспаривание известно с римских времен и с тех пор его цель принципиально не изменялась [2, с. 8]. Она заключается в противодействии недобросовестным действиям должника, совершенным в преддверии банкротства и причиняющим вред его кредиторам.

Возможности, которые открывает конкурсное оспаривание, иногда превращает его из средства защиты прав кредиторов в цель, ради которой возбуждается дело о банкротстве и вводятся процедуры, применяемые в таком деле. Действительно, существует соблазн «развернуть», под эгидой защиты прав кредиторов, любой юридический факт, воспользовавшись широкой трактовкой понятия предмета конкурсного оспаривания. Это может способствовать достижению разного рода недобросовестных целей: от вывода дорогостоящего актива из-под залога до уклонения от уголовного преследования за совершенное преступление. Конкурсное оспаривание может быть направлено на изъятие активов у добросовестных контрагентов должника, которые имели неосторожность взаимодействовать с ним в разные периоды, предшествующие возбуждению дела о банкротстве. Такое использование процедуры конкурсного оспаривания недопустимо, поскольку это подрывает основы стабильности гражданского оборота. Для того, чтобы отделить полезное для кредиторов конкурсное оспаривание от подобного рода недобросовестных проявлений, необходимо четко понимать, что и по каким основаниям может быть оспорено в делах о банкротстве.

Глава III.1 Закона о банкротстве, посвященная конкурсному оспариванию, называется «Оспаривание сделок должника». Согласно п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве, в деле о банкротстве могут быть признаны недействительными сделки должника или иных лиц, совершенные за счет должника. Вместе с тем, уже п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве существенно расширяет сферу применения этих норм, распространяя правила конкурсного оспаривания не только на сделки, но и на действия по их совершению, а также на действия направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством Таможенного союза и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном деле, процессуальным законодательством Российской Федерации и другими отраслями законодательства Российской Федерации, в том числе к оспариванию соглашений или приказов об увеличении размера заработной платы, о выплате премий или об осуществлении иных выплат в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации и к оспариванию самих таких выплат. Допускается также оспаривание действий, направленных на исполнение судебных актов.

Существует мнение, что подобного рода юридические факты – действия, направленные на исполнение

обязательств – являются разновидностью сделок [3, с. 66]. Встречаются и противоположные мнения, указывающие на необходимость разделения понятий сделки и действий по их исполнению [4, с. 360, 361].

В любом случае, в силу прямого указания закона (намекающего нам на верность последней точки зрения) конкурсному оспариванию могут быть подвергнуты обе категории юридических фактов. Тем важнее постичь их совпадения и различия.

Как отмечает Е. А. Суханов, односторонняя сделка, представляющая собой исполнение обязательства, существует и совершается не сама по себе. Ее содержание предопределено договором или иным основанием возникновения обязательства. Исполнение обязательства – подчиненная сделка, служащая реализации основной сделки [5, с. 67]. Такой сделке как правило сопутствует другая односторонняя сделка – волеизъявление (согласие либо выраженное несогласие) кредитора на принятие исполнения. В развитие этой идеи существует предложение рассматривать действия по исполнению обязательств в качестве особой разновидности сделок – «распорядительная сделка», в противоположность обязательственной сделке, эффектом которой является лишь возникновение взаимных прав и обязанностей [6]. Предлагается рассматривать действия по исполнению обязательства в качестве одного из элементов сложного юридического состава, влекущего прекращение обязательства. При этом, по смыслу приведенного подхода, всякий элемент юридического состава сделки может рассматриваться в качестве самостоятельной сделки, следовательно, может быть самостоятельным предметом оспаривания, в том числе конкурсного.

В. В. Витрянский и М. И. Брагинский, рассматривая вопросы договорного права, указывают, что исполнение договора является, наряду с его изменением и расторжением, является стадией развития (динамики) заключенного договора [7, с. 419]. Предлагается разделять понятия *реального* и *надлежащего* исполнения. Под надлежащим исполнением следует понимать исполнение договора в том виде, которым оно предусмотрено сделкой. Реальное исполнение – фактическое исполнение предусмотренных договором (сделкой) обязательств, произведенной обязанной стороной такой сделки. Реальное исполнение, в свою очередь, может быть как надлежащим, так и ненадлежащим, а последнее при определенных обстоятельствах (например, при передаче по договору купли-продажи товара ненадлежащего качества, недостатки которого невозможно устранить) может быть приравнено к неисполнению обязательств. В любом случае, исполнение обязательства рассматривается не в качестве сделки, а в качестве юридического поступка, поскольку эффект, производимый таким исполнением, зависит не столько от волеизъявления сторон сделки, сколько от фактических действий исполнителя.

Более понятным для практики представляется последний подход. Рассматривая действия по исполнению договора в качестве самостоятельной сделки, правоприменитель попадает в ситуацию неопределенности в случае, когда договор признан недействительным, а действия по его исполнению – нет. Можно ли в этом случае применить реституцию? Ведь имущество по договору передается в результате его исполнения, а значит, своей цели – возврата отчужденного имущества – оспаривание может достичь только при одновременном оспаривании и договора, и действия по его исполнению.

Рассматривая действия по исполнению договора в качестве самостоятельной сделки, правоприменитель попадает в ситуацию неопределенности в случае, когда договор признан недействительным, а действия по его исполнению – нет

Такая конструкция видится неоправданно громоздкой. Практика исходит из достаточности оспаривания договора для применения реституции в виде возврата переданного по нему имущества. Именно в этом видится справедливость второго подхода, когда действия по исполнению договора являются частью договора, следовательно, недействительность всего договора влечет недействительность и его части. Такой подход закрепился в практике оспаривания сделок.

Практика часто сталкивается с ситуацией, когда сам по себе договор не несет в себе негативной нагрузки, но действия по его исполнению нарушают права кредиторов. Например, должник заключил с десятью кредиторами договоры купли-продажи будущей вещи, например, автомобиля, с условием поставки в один день – 01 декабря 2022 года. Каждый из договоров заключен на обычных, рыночных условиях, кредиторы формально находятся в равном положении: условия и срок поставки автомобиля для всех одинаков. 01 декабря 2022 года. должник поставляет автомобиль только одному кредитору, а остальным сообщает о невозможности поставки ввиду наличия у него признаков банкротства. Имеет место очевидное предпочтение в пользу одного из кредиторов. Такое предпочтение создала

не собственно сделка – договор купли-продажи, но действия по ее исполнению. Нет смысла признавать недействительным договор, заключенный с кредитором, получившим исполнение. Важно поставить его в равное положение с другими кредиторами. Права других кредиторов будут защищены признанием недействительными действий по исполнению данного договора, то есть возврата автомобиля должнику для последующего его включения в конкурсную массу, а также восстановления изначального права требования получившего исполнение кредитора к должнику.

Ситуация, когда действие по исполнению обязательства приводит к предпочтению перед отдельным кредитором, очевидна. Такой пример является понятным и классическим. Вместе с тем, следует задуматься: может ли действие по исполнению обязательства быть оспорено по иному основанию, без оспаривания сделки, образовавшей такое обязательство? Представим себе, что договор заключен по цене, существенно ниже его рыночной стоимости, но не по бросовой цене. Порядка 60–70 процентов от рыночной стоимости. В этом случае сделка может быть оспорена на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве как неравноценная. Если такой договор заключен в пределах одного года до даты возбуждения дела о банкротстве, он может быть признан недействительной сделкой. Если за пределами этого срока – оснований для его признания недействительным нет (предположим отсутствие предусмотренных Законом о банкротстве признаков совершения сделки с причинением вреда, предусмотренных п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Как быть с ситуацией, когда договор заключен за пределами одного года до возбуждения дела о банкротстве, а действия по его исполнению – в пределах года?

Закон не устанавливает ограничений на оспаривание действий по исполнению обязательств в зависимости от оснований такого оспаривания. Формально, действие по исполнению сделки может быть оспорено, в том числе, по основанию неравноценности. При этом оценка соответствия цены сделки рыночным условиям будет происходить по состоянию на дату совершения оспариваемого действия. Фактически же получается ненормальная и явно несправедливая ситуация. Покупатель заключил договор купли-продажи будущего автомобиля, уплатив цену, которая на тот момент соответствовала рыночным условиям. Год ждал поставки своего автомобиля. Через год получил его во исполнение договора. При этом за этот год цены на автомобили выросли, а платежеспособность продавца пошатнулась. Неужели при этих обстоятельствах покупатель лишится своего автомобиля в угоду кредиторам? Ведь договор, заключенный с продавцом, во-первых, соответствовал рыночным условиям, во-вторых, заключен за пределами периода подозрительности, установленного для оспаривания подобного рода сделок. В этой ситуации кажется важным, в какой момент были уплачены деньги за автомобиль. Если в момент заключения договора – справедливость на стороне покупателя. Если же в момент получения автомобиля – она на стороне продавца и его кредиторов.

Судебная практика испытывает явную неопределенность по названному вопросу. Представляется, что предложенный автором пример, взятый из собственного воображения, будет разрешен судами в пользу покупателя (при условии оплаты договора в момент его заключения) – ввиду явной несправедливости противоположного подхода. Вместе с тем, имеются многочисленные примеры, когда неравноценными, причиняющими вред признаются действия по исполнению договоров, контрактов, мировых соглашений, которые сами по себе не признаны недействительными, не подвергнуты какой-либо критике. Это может подрывать стабильность гражданского оборота.

Представляется верным без ограничений признавать недействительными действия по исполнению договоров, без оспаривания самих договоров, если такие действия влекут предпочтительное удовлетворение требований отдельного кредитора. Если же действия во исполнение договора оспариваются по признаку неравноценности, то их следует признавать недействительными только в случае, когда исполнение происходит одновременно или в один период подозрительности как со стороны должника, так и со стороны кредитора. В ситуации же, когда кредитор свою часть обязательства исполнил за пределами периода подозрительности, но исполнение от должника получил в период подозрительности, такие действия не могут быть признаны недействительными по признаку неравноценности, без признания недействительным самого договора. Такой подход обеспечит справедливую защиту интересов кредиторов без несоразмерного нарушения стабильности гражданского оборота.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Приведенные ниже данные взяты из Статистического бюллетеня Федресурса по банкротству // URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%2030%20июня%202022.pdf (дата обращения: 05.12.2022).
2. Шершеневич Г. Ф. Ученье о несостоятельности. Казань: Типография Императорского университета, 1890. С. 8.
3. Толстой В. С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве, Труды Всесоюзного юридического заочного института. М., 1966; Гражданское право: учеб. 2-е изд. в 2 т. Т. 2. Полутом 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 1999; Российское гражданское право. Т. 2, Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. М., 2000.
4. Советское гражданское право: учеб. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985; Брагинский М. И., Витрянский В. В., Договорное право. Общие положения. М., 1997.
5. Российское гражданское право. Том 2. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. М., 1999.
6. Бердников В. В. Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица // Законодательство. 2002. № 2, 3.
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В., Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2020. 419 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калугин Владимир Юрьевич
(Россия, Екатеринбург), судья Арбитражного суда Уральского округа, e-mail: kalugin2006@yandex.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir Yr. Kalugin
(Russia, Ekaterinburg), Judge of the Commercial Court of the Ural Region, e-mail: kalugin2006@yandex.ru.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

УДК 346.1

Особенности определения контролирующих должника лиц в деле о банкротстве ТСЖ [1]

Бажина М. А., Звездина Т. М.

Аннотация: В статье авторы на основе анализа норм права и правоприменительной практики судов рассматривают специфику признания лиц контролирующими должника-ТСЖ с целью привлечения таких лиц к субсидиарной ответственности в случае банкротства последнего. Привлечение субсидиарных должников является одним из немногих способов получения дополнительных активов, позволяющих восполнить недостаток имущества ТСЖ в рамках банкротного процесса.

Ключевые слова: банкротство; ТСЖ; контролирующие должника лица; многоквартирный дом; коммунальные платежи; должник, ответственность

Peculiarities of Determining the Debtor's Controlling Persons in Bankruptcy Case of Homeowners Association [2]

Maria A. Bazhina, Tatiana M. Zvezdina

Abstract: In their article, the authors, based on the analysis of legal norms and law enforcement practice of the courts, consider the specifics of recognition of persons who control the debtor – Homeowners Association in order to bring such persons to subsidiary liability in case of bankruptcy of the latter. Attracting subsidiary debtors is one of the few ways to obtain additional assets that make it possible to make up for a deficiency of Homeowners Association assets in bankruptcy proceedings.

Keywords: bankruptcy; Homeowners Association; debtor's controlling persons; apartment building; utility payments; debtor; liability

Действующее законодательство содержит отдельные положения, регулирующие деятельность ТСЖ как некоммерческой организации, основанной на членстве собственников помещений многоквартирного дома (далее – МКД), которая создается с целью управления общим имуществом МКД, а также для оказания коммунальных услуг [1]. Однако, несмотря на это, на практике возникают вопросы, связанные с ситуацией, когда ТСЖ более трех месяцев не способно удовлетворить требования кредиторов в размере не менее 300 000 рублей. Обычно сумма кредиторской задолженности ТСЖ гораздо больше, что обусловлено характером деятельности кредиторов, к которым относятся в основном ресурсоснабжающие организации [2].

Банкротство ТСЖ, как правило, связано с неплатежами собственников (владельцев) помещений МКД, а также с нецелевым расходованием денежных средств, поступающих в адрес ТСЖ как исполнителя жилищно-коммунальных услуг. Причины, по которым руководство ТСЖ осуществляет неэффективное использование поступающих от собственников (владельцев) помещений МКД средств, могут быть различными, к ним относятся, в том числе, недостаточная квалификация руководителя организации либо расходование средств в корыстных интересах. При этом, действующее законодательство не способствует разрешению существующей проблемы, т.к. на легальном уровне нет ограничений или требований к должности руководителя

1 Ссылка для цитирования: Особенности определения контролирующих должника лиц в деле о банкротстве ТСЖ// Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 38–42.

2 For Reference: Maria A. Bazhina, Tatiana M. Zvezdina. Peculiarities of Determining the Debtor's Controlling Persons in Bankruptcy Case of Homeowners Association // Business, management and law. 2022. № 4. P. 38–42.

ТСЖ: руководство делами может осуществлять лицо без специальной подготовки или образования.

Ситуация осложняется еще и тем, что у ТСЖ нет какого-либо серьезного актива, способного покрыть требования кредиторов. Рабочий инвентарь, оргтехника не представляют особой ценности для удовлетворения зачастую многомилионных требований кредиторов. Общее имущество МКД, находящееся в общедолевой собственности собственников помещений МКД, по понятным причинам не может быть предметом взыскания. Хотя на практике возникают попытки включить объекты общего имущества МКД в конкурсную массу [3]. Кроме того, в силу ч. 6 ст. 135 ЖК РФ члены ТСЖ не отвечают по обязательствам созданного ими ТСЖ. Это положение не противоречит общим нормам о товариществах собственников недвижимости, закрепленным в ст. 123.12 ГК РФ. На практике это означает, что в случае введения процедуры банкротства ТСЖ, которая чаще всего возникает в силу наличия у организации задолженности перед поставщиками ресурсов (электричество, тепло, вода и т.д.), взыскание не может быть обращено на личное имущество собственников помещений МКД (квартиру, гараж или денежные средства). Таким образом, несмотря на неоплату собственниками помещений МКД коммунальных и др. услуг, что ведет к банкротству ТСЖ, каких-либо негативных последствий для них в деле о банкротстве ТСЖ (например, привлечения к субсидиарной ответственности по долгам ТСЖ) законом не предусмотрено, за исключением взыскания самой суммы задолженности и пеней. Указанные выше особенности правового статуса ТСЖ обуславливают ограниченные возможности взыскания кредиторами долгов с самого ТСЖ, его членов или собственников помещений МКД.

Исходя из выше изложенного, в случае возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) ТСЖ, привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее – КДЛ) является одним из немногих способов получения дополнительных активов, позволяющих восполнить недостаток имущества ТСЖ в случае неисполнения им обязательств независимо от их правовой природы и дающих кредиторам надежду на хотя бы частичное удовлетворение их требований.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос о том, кто относится к категории «контролирующие должника лица» применительно к делам о несостоятельности (банкротстве) ТСЖ.

Прежде всего, обратимся к определению понятия «контролирующее должника лицо», данное в п. 1 ст. 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), под которым понимается физическое или юридическое лицо, которое имело или имеет право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в т.ч. по совершению сделок и определению их условий, в течение определенного времени, а именно: не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения

В случае возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве) ТСЖ, привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц является одним из способов получения дополнительных активов, позволяющих восполнить недостаток имущества ТСЖ в случае неисполнения им обязательств независимо от их правовой природы и дающих кредиторам надежду на хотя бы частичное удовлетворение их требований

до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом.

Исходя из указанной дефиниции, можно выделить три обязательных составляющих для определения лица в качестве КДЛ:

1) особое положение лица, т.е. такое должностное положение или иное положение, позволяющее получать выгоду от незаконного или недобросовестного поведения лиц, имеющих право выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица, лиц, определяющих действия юридического лица в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ (например, руководитель, иной бенефициар).

2) содержание самих действий или бездействия лица (например, непринятие руководителем ТСЖ мер в отношении образовавшейся задолженности за оказанные коммунальные услуги).

3) определенный в законе промежуток времени.

Именно эти обстоятельства являются определяющими при признании того или иного лица КДЛ в делах о несостоятельности (банкротстве) ТСЖ, т.к. в жилищном законодательстве иного определения контролирующего должника лица или уточняющих признаков не содержится, рассмотрим их более подробно.

БИЗНЕС МЕНЕДЖМЕНТ ПРАВО
научно-практический экономико-правовой журнал

1. Руководствуясь содержанием ст. 61.10 Закона о банкротстве, ст. 53.1 ГК РФ, а также Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление № 53) можно выделить следующих лиц, которые могут выступать в качестве КДЛ: председатель или бывший председатель ТСЖ, члены правления, члены ТСЖ и иные лица (например, конечные бенефициары, получающие выгоду в виде активов должника в следствие их вывода).

Анализ судебной практики показывает, что большинство дел о взыскании задолженности в рамках ведения дела о несостоятельности (банкротстве) возбуждаются в отношении *председателя или бывшего председателя ТСЖ*. Это связано с тем, что в силу п. 2 ст. 123.14 ГК РФ, ст. 149 ЖК РФ именно председатель правления является единоличным исполнительным органом и осуществляет управление делами организации. В силу своего положения председатель (бывший председатель) обладает возможностью своими действиями (бездействием) привести к банкротству ТСЖ [4].

Нельзя исключать возможность признания КДЛ членов ТСЖ, т.к. общее собрание членов ТСЖ является высшим органом управления организации

Ситуация может осложняться тем, что фактическое управление организацией осуществляет не лицо, избранное членами ТСЖ (или правлением ТСЖ), а управляющий, привлеченный по тем или иным основаниям председателем ТСЖ. В литературе высказывается мнение [5], что позиция фактического руководителя преследует две основные цели: ввести в заблуждение сторонних участников оборота и контролирующие органы относительно личности принимающего управленческие решения лица и, как следствие, избежать наказания. При доказывании наличия дробления полномочий Верховный суд РФ предлагает обращать внимание на следующие обстоятельства: 1) наличие «генеральной» доверенности, которой полномочия управлять организацией полностью передоверены другому лицу; 2) принятие ключевых решений по указанию третьего лица, не имеющего соответствующих формальных полномочий (п. 6 Постановления № 53).

Согласно абз. 2 п. 6 Постановления № 53 по общему правилу номинальный и фактический руководители солидарно несут субсидиарную ответственность, предусмотренную ст. 61.11 и ст. 61.12, а также ответственность, указанную в ст. 61.20 Закона о банкротстве (ст. 1080 ГК РФ, п. 8 ст. 61.11, п. 1 ст. 61.12 Закона о банкротстве). Закон предусматривает возможность снижения размера ответственности либо освобождения от нее в определенных случаях номинального руководителя. Однако обязанность по доказыванию своего статуса, наличия обстоятельств, влекущих снижение размера ответственности либо освобождения от нее лежит на номинальном руководителе [6].

Члены правления также могут быть привлечены в качестве субсидиарных ответчиков по долгам ТСЖ, если они будут признаны в качестве КДЛ. Связано это с тем, что правление является коллегиальным исполнительным органом товарищества (ч. 2 ст. 147 ЖК РФ), который также участвует в выработке и реализации управленческих решений, имеет возможность влиять на действия членов ТСЖ, например, с целью погашения задолженности по коммунальным и иным платежам. Однако, привлечение к ответственности членов правления представляется крайне сложным. Так, при определении оснований для привлечения к ответственности членов правления суды исходят из того, что в материалах дела должны быть надлежащие доказательства, свидетельствующих о членстве конкретных лиц в составе коллегиального исполнительного органа, об их участии в заседаниях правления, о голосовании и подписании документов, а также о возложении на членов правления конкретных обязанностей [7] (например, обязанностей по работе с собственниками-должниками по взысканию с них задолженности за оказанные жилищно-коммунальные услуги).

Нельзя исключать возможность признания КДЛ *членов ТСЖ*, т.к. общее собрание членов ТСЖ является высшим органом управления организации. Руководствуясь презумпцией, указанной в пп. 2 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, контролирующим может быть лицо, которое имело право самостоятельно или совместно с заинтересованными лицами распоряжаться более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право избирать руководителя организации-должника. К примеру, таким лицом может быть собственник больших площадей МКД или несколько таких собственников, голосующих сообща.

Кроме того, судом могут быть признаны КДЛ и *иные лица*, обладающие фактической возможностью давать обязательные для исполнения указания или иным образом определять действия ТСЖ-банкрота, так называемые скрытые бенефициары. Применение «презумпции выгодоприобретателя» для привлечения

к субсидиарной ответственности таких лиц вызывает определенные сложности на практике, т.к. эта категория КДЛ старается не афишировать свою связь с организацией-должником, и при этом, как правило, отсутствуют формальные основания для привлечения скрытых бенефициаров в качестве субсидиарных должников.

Ключевые выводы по этому поводу были сделаны в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013. Если кратко резюмировать, то «приведенные (*в определении*) разъяснения фактически раскрывают третью презумпцию наличия статуса КДЛ, а именно извлечение лицом (*скрытым бенефициаром*), привлекаемым к ответственности, выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ» [8]. Скрытый бенефициар своими действиями реализует цель увеличить или сберечь за счет имущества должника-банкрота свои активы, что ему чаще всего удается и служит признаком осуществления фактического контроля над организацией, в нашем случае – ТСЖ. Так, в п. 7 Постановления № 53 указано, что контролирующим может быть признано лицо, извлекшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности. При этом привлекаемое к субсидиарной ответственности лицо не лишено права доказать свою добросовестность.

В этой категории КДЛ можно выделить фактических руководителей и хозяйствующих субъектов, привлекаемых для оказания каких-либо услуг или выполнения работ для ТСЖ и при этом являющихся выгодоприобретателями.

Вторая категория лиц может включать в себя выгодоприобретателей в рамках уставной деятельности ТСЖ. В настоящее время очень часто ТСЖ в лице исполнительных органов, которые пользуясь свободой заключения договоров, выбирают в качестве контрагентов не те организации, которые наиболее качественно и сопоставимо дешево оказывают услуги (выполняют работы), а те, которые предоставляют так называемые «откаты». Так, ТСЖ может заключить договор на управление, эксплуатацию, техническое обслуживание МКД или любой подрядный договор с организацией в «обмен» на предоставление руководителю «платы» за выбор именно этой организации в качестве контрагента. Кроме того, такая организация может не исполнять или ненадлежащим образом исполнять свои обязательства перед ТСЖ, и по понятным причинам претензий со стороны руководства ТСЖ не последует. В результате такая организация фактически извлекает материальную выгоду из своего положения, аккумулируя денежные средства ТСЖ на своем расчетном счете.

Основанием для привлечения к субсидиарной ответственности руководителя такой «дружественной» должнику-ТСЖ организации является доказательство того, что между должником и подрядчиком сложились такого рода экономические отношения, в которых основной поток денежных средств направлен на удовлетворение требований подрядчика. Требования же других кредиторов к ТСЖ, в частности ресурсоснабжающих организаций, удовлетворяются по остаточному принципу. Чаще всего подрядчик может быть прямо или косвенно связан с должником (например, наличие общих руководителей, учредителей, совместное участие в других организациях и т.д.). Суд может учитывать и такие обстоятельства, когда подрядчик фактически не осуществляет соответствующей предпринимательской (например, строительной) деятельности и, как следствие, не обладает необходимыми основными средствами, запасами, персоналом или не соответствует признакам организации, осуществляющей подобного рода деятельность.

Исходя из судебной практики, привлечение организаций – выгодоприобретателей или руководителей таких организаций к субсидиарной ответственности является достаточно сложным с точки зрения доказывания. Так, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 ноября 2019 г. № Ф07-13580/2019 по делу № А56-24107/2017 суд отказал в привлечении к субсидиарной ответственности организации – выгодоприобретателя, т.к. не был доказан факт ее принадлежности к КДЛ.

2. При признании судом лица в качестве контролирующего должника недостаточно наличия потенциальной возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника, необходимо доказать реализацию лицом соответствующих возможностей и полномочий, к примеру, дачу обязательных для исполнения должником указаний, в т.ч. по совершению сделок и определению их условий, которые привели к негативным для должника и его кредиторов последствиям, при этом масштаб негативных последствий должен соотноситься с масштабом деятельности должника.

При привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности суды устанавливают степень вовлеченности лица в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие важных решений относительно деятельности должника.

При этом суды оценивают существенность влияния действий (бездействия) КДЛ на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством [9].

Судебной практике известен случай, когда неуплата председателем ТСЖ коммунальных платежей за содержание собственного помещения в МКД, управляемом ТСЖ, послужила основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве данного ТСЖ [10].

3. Для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности КДЛ по общему правилу принимается во внимание трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов из-за недостаточности имущества (момент объективного банкротства).

При этом в правоприменительных актах судами указывается на то, что положения законодательства о субсидиарной ответственности КДЛ не исключают возможность привлечения контролирующего лица к иной ответственности за действия, совершенные за пределами названного трехлетнего периода, например, к ответственности, предусмотренной законодательством о юридических лицах (ст. 53.1 ГК РФ) [11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бажина М. А., Звездина Т. М. Собственники помещений – заложники собственного ТСЖ // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 27–30.

2. Бажина М. А., Звездина Т. М. Правовые аспекты банкротства ТСЖ // Юрист. 2021. № 5. С. 17–22.

3. Лейба А. Негативные последствия банкротства ТСЖ... // ЭЖ-Юрист. 2014. № 46. С. 10.

4. Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 27 октября 2015 г. по делу № А12-38987/2014 // СПС «Консультант Плюс».

5. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154–202.

6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 декабря 2018 г. № Ф06-41597/2018 по делу № А12-73883/2016 // СПС «Консультант Плюс».

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 ноября 2021 г. № Ф05-521/2021 по делу № А40-6638/2019 // СПС «Консультант Плюс».

8. Лотфуллин Р. К. Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара // Судья. 2018. № 4. С. 33–35.

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 7 июля 2022 г. № Ф01-3047/2022 по делу № А29-13389/2019 // СПС «Консультант Плюс».

11. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2021 г. № Ф07-4379/2021 по делу № А56-111609/2018 // СПС «Консультант Плюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажина Мария Анатольевна
(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, e-mail: mashsol@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1237-0052.

Звездина Татьяна Михайловна
(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, e-mail: zvezdinatatmix@gmail.com.

AUTHORS' DETAILS

Maria A. Bazhina
(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of Business Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: mashsol@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1237-0052.

Tatiana M. Zvezdina
(Russia, Ekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: zvezdinatatmix@gmail.com.

УДК 347.736

Замена застройщика: риски для инвестора[1]

Славич М. А.

Аннотация: В настоящее время законодательством Российской Федерации о банкротстве предусмотрено, что одним из способов удовлетворения требований участников строительства в делах о банкротстве застройщиков может быть реализация такого правового механизма, как передача обязательств застройщика – банкрота другому застройщику. При этом необходимость обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников дела о банкротстве в равной степени распространяется и на такого застройщика – приобретателя, чем обосновывается потребность в четком определении объема обязательств, которые новый застройщик соглашается исполнить. В данной статье анализируются положения действующего законодательства, несущие в себе финансовые риски для частных инвесторов в случае принятия ими на себя прав и обязанностей застройщика – банкрота. По результатам проведенного исследования даются рекомендации о том, какие обстоятельства следует учитывать инвесторам при расчете финансовой нагрузки окончания строительства объекта незавершенного строительства и исполнения обязательств перед участниками долевого строительства. Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: банкротство; застройщик; передача прав и обязанностей новому застройщику; объем обязательств застройщика; Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства; объект незавершенного строительства; залоговые кредиторы

Replacement of Developer: Risks for Investor[2]

Maria A. Slavich

Abstract: Currently, the legislation of the Russian Federation on bankruptcy provides that one of the ways to meet the requirements of construction participants in bankruptcy cases of developers can be the implementation of such a legal mechanism as the transfer of the obligations of a bankrupt developer to another developer. At the same time, the need to ensure a balance of the rights and obligations of all participants in the bankruptcy case equally applies to such a developer – acquirer, which justifies the need for a clear definition of the scope of obligations that the new developer agrees to fulfill. This article analyzes the provisions of the current legislation that carry financial risks for private investors in case they assume the rights and obligations of a bankrupt developer. Based on the results of the study, recommendations are given on what circumstances should be taken into account by investors when calculating the financial burden of completing the construction of an unfinished construction facility and fulfilling obligations to participants in shared construction. Proposals are formulated to improve the current legislation.

Keywords: bankruptcy; developer; transfer of rights and obligations to a new developer; the scope of obligations of the developer; the Fund for the Protection of the Rights of Citizens participating in shared construction; the object of unfinished construction; collateral lenders

Со вступлением в силу изменений в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) [1], которые были внесены Федеральным законом от 1 июля 2018 г. № 175-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [2], привлечение денежных средств граждан на строительство

1 Ссылка для цитирования: Славич М. А. Замена застройщика: риски для инвестора // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 43–48.
2 For Reference: Maria A. Slavich. Replacement of Developer: Risks for Investor // Business, management and law. 2022. № 4. P. 43–48.

многоквартирных домов стало возможно только с размещением таких средств на счетах эскроу. Казалось бы, введение данного механизма должно было раз и навсегда решить проблему «обманутых дольщиков», а вопросы реализации предусмотренных Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] способов удовлетворения требований участников строительства при банкротстве застройщика должны были постепенно уйти в историю.

Вместе с тем происходящие в российской экономике с февраля 2022 г. негативные процессы показали, что риски инвестирования в долевое строительство не могут быть в полной мере решены только использованием для расчетов счетов эскроу. На сегодняшний день очевидно, что данная модель эффективна в случае экономической стабильности. В ситуации же когда депонированные на счетах эскроу денежные средства если и не обесценились, то существенно «подешевели» в связи с высоким уровнем инфляции, их гарантированный возврат дольщику уже не обеспечивает для него возможность достижения цели приобретения жилья. Решение этой задачи возможно только при условии окончания строительства объекта, в который участник долевого строительства вложил денежные средства.

С другой стороны, на уровне падения спроса застройщики вынуждены снижать цены при одновременно растущей в связи с подорожанием строительных ресурсов себестоимости [4, с. 124]. Указанные обстоятельства безусловно негативно сказываются на финансовой модели проекта, которая рискует не выдержать, что может привести застройщика к банкротству.

Напомним, что Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ (далее – Закон № 218-ФЗ) [5] была создана публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства»[1] (далее – Фонд). Последовавшими за его созданием изменениями в Закон о банкротстве законодатель не только включил Фонд в число участников дела о несостоятельности (банкротстве) застройщика, но и постепенно отвел ему ведущую роль в деле о банкротстве застройщика в целом и в реализации специальных способов удовлетворения требований участников строительства, в частности.

Однако дальнейшие изменения в Закон № 214-ФЗ и применение счетов эскроу освободили застройщиков об обязанности уплачивать при заключении договоров участия в долевом строительстве (далее – ДДУ) денежные средства в Фонд. Его пополнение фактически стало возможным только за счет бюджетных средств.

Тогда § 7 главы IX Закона о банкротстве был дополнен ст. 201.15–2.2, которая предусмотрела возможность передачи Фонду прав на земельный участок с находящимися на нем объектом (объектами) незавершенного строительства (далее – ОНС), неотделимыми улучшениями в случае выплаты возмещения участникам строительства.

Введение этой нормы имело целью обеспечить Фонду новый источник финансирования. Вырученные от продажи переданных ему земельных участков (прав на них) и ОНС денежные средства должны были возмещать ранее понесенные им на выплаты расходы и, соответственно, далее использоваться для восстановления прав других участников строительства.

Вместе с тем данная идея в полной мере себя не оправдала. Переданные Фонду от застройщиков – банкротов активы оказались не настолько ликвидными, чтобы быть быстро и выгодно реализованными. В результате израсходованные средства Фонда возмещаются не настолько быстро, как того требуется для решения стоящих перед Фондом задач, и в гораздо меньшем размере [6].

На сегодняшний момент недостаточность средств Фонда практически не скрывается.

Так Минстроем России разработан проект Постановления Правительства РФ о внесении изменений в Правила принятия Фондом Решения о финансировании или нецелесообразности финансирования предусмотренных Законом № 218-ФЗ мероприятий [7].

Предлагаемыми изменениями предусматривается возможность принятия Фондом решения о финансировании только в случае, если обеспечена достаточность средств Фонда для финансирования соответствующих мероприятий [8].

На момент подготовки настоящей статьи названный проект был размещен на портале проектов нормативных правовых актов и находился на этапе общественных обсуждений и независимой антикоррупционной экспертизы.

Все изложенное свидетельствует в пользу того, что органы власти все чаще будут привлекать частных инвесторов для достройки «проблемных объектов».

1 Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 436-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О публично-правовой компании по защите прав граждан-участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» название Фонда было изменено на «публично-правовая компания „Фонд развития территорий“». Названным Федеральным законом предусмотрено также присоединение к Фонду государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» с одновременным ее преобразованием.

Итак, на что же следует обратить внимание при принятии предложения, от которого, зачастую, невозможно отказаться.

Порядку урегулирования обязательств перед участниками строительства, результатом которого является передача новому застройщику (далее – Приобретатель) имущества и обязательств застройщика-банкрота, посвящены положения ст. 201.15–1, 201.15–2 Закона о банкротстве.

В первую очередь потенциальный Приобретатель, конечно, оценивает объем обязательств застройщика – банкрота перед участниками строительства, которые ему предстоит исполнить.

Согласно положениям ст. 201.15–1, ст. 201.15–2 Закона о банкротстве к Приобретателю переходят обязательства застройщика-банкрота перед теми участниками строительства, требования которых включены в реестр требований участников строительства.

Вместе с тем Закон о банкротстве не указывает, к какому моменту требование должно быть включено в реестр, чтобы участник строительства мог претендовать на его удовлетворение новым застройщиком (на дату обращения заинтересованного лица в арбитражный суд с заявлением о намерении, дату принятия такого заявления к рассмотрению, дату вынесения арбитражным судом определения об удовлетворении заявления о намерении, дату вынесения определения о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика). Соответствующий вывод поможет сделать только системное толкование иных положений § 7 гл. IX Закона о банкротстве.

Так, согласно п. 15 ст. 201.4 Закона о банкротстве, требования участников строительства, включенные в реестр требований участников строительства после дня принятия Фондом решения о финансировании мероприятий по завершению строительства либо после дня принятия Фондом субъекта РФ решения о финансировании мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства, подлежат удовлетворению в порядке, предусмотренном абз. 2 подп. 3 п. 1 ст. 201.9 Закона. Соответственно данные требования будут подлежать удовлетворению в первой подочереди третьей очереди реестра требований кредиторов. Требования участников строительства, которые возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом (текущие требования) – в составе третьей очереди требований по текущим платежам. Однако значимым в данном случае является не это правило.

Из содержания п. 15 ст. 201.4 Закона о банкротстве следует, что участники строительства, которые «опоздали» с включением в реестр своих требований на дату принятия соответствующим Фондом указанного решения не вправе претендовать на удовлетворение их требований приобретателем (Фондом или Фондом субъекта РФ) в натуре. Изменениями 2020 г. было уточнено, что такие участники вправе получить возмещение в порядке, предусмотренном Законом № 218-ФЗ, т.е. получить только денежное удовлетворение своих требований.

Закон о банкротстве не указывает, к какому моменту требование должно быть включено в реестр, чтобы участник строительства мог претендовать на его удовлетворение новым застройщиком (на дату обращения заинтересованного лица в арбитражный суд с заявлением о намерении, дату принятия такого заявления к рассмотрению, дату вынесения арбитражным судом определения об удовлетворении заявления о намерении, дату вынесения определения о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика)

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в случаях, когда приобретателем прав и обязанностей застройщика является Фонд, к нему переходят только те обязательства по передаче жилых (нежилых) помещений, которые были включены в реестр требований кредиторов на дату принятия Фондом решения о финансировании мероприятий по окончанию строительства объектов незавершенного строительства. Иным участникам строительства Фонд обязан выплатить денежное возмещение.

Однако п. 15 ст. 201.4 Закона о банкротстве и иные его нормы не содержат дополнительных оговорок, уточнений о том, какую дату следует считать датой условного «закрытия» реестра для целей передачи обязательств перед участниками строительства Приобретателю, который не является Фондом.

С момента обращения в арбитражный суд с ходатайством о передаче прав и обязанностей застройщика до принятия судом определения о такой передаче

пройдет время. За этот период могут быть рассмотрен и включены в реестр требования значительного числа участников строительства, обязанность удовлетворения которых Приобретатель мог не учитывать, когда обращался с ходатайством.

Объективно оценить объем требований, основываясь на данных Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН) о зарегистрированных ДДУ, далеко не всегда возможно.

Так, в ЕГРН могут быть зарегистрированы не все ДДУ, возможно наличие «двойных» продаж (в том числе в случае расторжения договора первоначальным дольщиком, которому застройщик не вернул уплаченные денежные средства, с последующей продажей этого же помещения новому участнику строительства).

Поэтому, определяя объем подлежащих принятию обязательств застройщика – банкрота, необходимо учитывать не только данные реестра требований кредиторов, но и сведения ЕГРН о зарегистрированных ДДУ, информацию застройщика – банкрота о фактических продажах, проверять факт исполнения им обязательств по возврату денежных средств участникам строительства, которые расторгли ДДУ.

Дополнительно отметим следующее.

В силу норм § 7 к числу участников строительства относятся исключительно граждане. Однако права требования по ДДУ свободно обращаются на рынке. При этом подписание договоров уступки, расчеты по ним могут не совпадать с регистрацией перехода прав по договорам в ЕГРН. Отсутствие факта регистрации перехода права требования по договору долевого участия при наличии доказательств оплаты такого права с учетом обстоятельств конкретного спора по рассмотрению требования участника строительства, для цели применения норм § 7 (защита прав граждан) не может явиться препятствием для включения соответствующего требования гражданина (при том, что в ЕГРН соответствующее помещение числится за юридическим лицом) в реестр требований участников строительства.

Соответственно, даже собрав максимально возможное количество информации из всех доступных источников, потенциальный Приобретатель не может полностью исключить риск увеличения объема подлежащих исполнению им обязанностей перед участниками строительства.

С учетом сказанного предлагаем внести изменения в п. 15 ст. 201.4 Закона о банкротстве, предусмотрев в нем положение об удовлетворении в порядке абзаца 2 подп. 3 п. 1 ст. 201.9 Закона о банкротстве (с возможностью получения возмещения в Фонде) не только требований участников строительства, которые были включены в реестр требований участников строительства после дня принятия Фондом решения о финансировании, но и требований участников строительства, включенных в реестр после даты принятия арбитражным судом заявления о намерении от будущего Приобретателя.

Далее отметим, что оценке со стороны Приобретателя подлежит финансовое бремя, которое ему придется понести на удовлетворение требований залоговых кредиторов, чьи требования обеспечены залогом подлежащего передаче Приобретателю имущества, но которые не являются участниками строительства.

Одним из условий удовлетворения ходатайства о замене застройщика является внесение Приобретателем на депозит арбитражного суда денежных средств для удовлетворения требований таких кредиторов в размере, установленном пп. 1 п. 1 ст. 201.14., подп. 2 п. 3, п. 6 ст. 201.10, п. 2 ст. 201.15–1 Закона о банкротстве.

В июле 2022 года Конституционный Суд РФ признал неконституционными переходные положения Федерального закона от 27 июня 2019 г. № 151-ФЗ [9] (п. 14 и п. 17 ст. 16) во взаимосвязи с п. 11 ст. 201.15–2 Закона о несостоятельности (банкротстве) в той мере, в какой они не предусматривают необходимых правовых гарантий защиты прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, при прекращении их залоговых прав в связи с передачей земельного участка, объекта незавершенного строительства Фонду в рамках дела о банкротстве застройщика [10].

До внесения изменений в законодательство Конституционный Суд РФ установил временное правовое регулирование спорных отношений, указав, что у лиц, ранее являвшихся залоговыми кредиторами застройщика, перед которыми у Фонда не возникли обязательства по предоставлению помещений, в связи с прекращением залога возникает право требования к Фонду, ставшему приобретателем прав застройщика на соответствующее имущество, в размере основной суммы задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов, без возобновления начисления процентов, но не более – совокупно по всем лицам, ранее являвшимся залоговыми кредиторами, – стоимости предмета залога на день принятия решения арбитражного суда о передаче Фонду соответствующего имущества.

Полагаем, что данные КС РФ разъяснения в полной мере подлежат применению и в случае, когда в роли Приобретателя выступает не Фонд. Поэтому следует учитывать необходимость выплаты соответствующих сумм залоговым кредиторам, обязательства перед которыми не подлежат передаче Приобретателю.

К числу таких лиц относятся кредиторы, заключившие ДДУ в отношении нежилых помещений, площадь которых превышает 7 кв.м., дольщики – юридические лица, а также граждане, чьи требования могут быть включены в четвертую очередь реестра требований кредиторов в связи с инвестиционным характером заключенных ими ДДУ [11].

Особо обратим внимание на то, что со счетов не следует сбрасывать и тех кредиторов (из числа указанных выше), определения о включении в реестр требований которых не содержат прямого указания об их обеспечении залогом.

Согласно общим положениям Закона о банкротстве для установления своего статуса в деле о банкротстве должника в качестве залогового кредитора такой кредитор должен прямо заявить об этом либо при установлении требования, либо после, но в любом случае не позднее двух месяцев с даты опубликования сведений о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства (п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве). В противном случае он не будет иметь в деле о банкротстве специальных прав, которые предоставлены залогодержателям (п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 8 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя»).

Нормы § 7 гл. IX Закона о банкротстве не содержат положений о порядке установления залогового статуса кредитора в деле о банкротстве застройщика. Но его особенности сформулированы высшей судебной инстанцией.

Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что право залога у лиц, заключивших с застройщиком договор участия в долевом строительстве, возникает в силу закона. В деле о банкротстве застройщика включенные в реестр требования дольщиков, основанные на зарегистрированных ДДУ, считаются обеспеченными залогом независимо от того, было ими заявлено о необходимости установления залогового статуса при предъявлении денежного требования или нет. Исключение могут составлять только случаи, когда такой кредитор явно выразил волю на отказ от залогового обеспечения либо суд прямо указал на отсутствие у кредитора права залога в судебном акте [12].

Таким образом, при оценке обязательств, которые предстоит исполнить в случае замены застройщика, потенциальному Приобретателю следует учитывать всю совокупность заключенных, но не исполненных застройщиком – банкротом договоров. Поскольку, как показал проведенный анализ, часть таких обязательств должна будет быть исполнена Приобретателем в натуре (путем передачи соответствующего помещения после окончания строительства и ввода объекта в эксплуатацию), на исполнение других обязательств (перед залоговыми кредиторами, не являющимися участниками строительства) бюджетом проекта должна предусматриваться выплата денежных средств.

Безусловно, все указанное выше в меньшей степени относится к случаям достройки домов, денежные средства на этапе строительства которых привлекались на счета эскроу. В отношении таких принимаемых на достройку объектов величина возможной погрешности в объеме подлежащих учету обязательств

Для установления своего статуса в деле о банкротстве должника в качестве залогового кредитора такой кредитор должен прямо заявить об этом либо при установлении требования, либо после, но в любом случае не позднее двух месяцев с даты опубликования сведений о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства (п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве)

практически сведена к минимуму. Залог в силу закона на земельный участок и ОНС у дольщиков в связи с применением счетов эскроу вообще не возникает (п. 4 ст. 15.4 Закона № 214-ФЗ). И выплаты дольщикам, которые не относятся к числу участников строительства согласно Закону о банкротстве, должны быть осуществлены за счет депонированных на счетах эскроу денежных средств.

Вместе с тем объекты, о завершении строительства которых привлеченными инвесторами будет идти речь в ближайшее время, начинали строится еще по «старым» правилам Закона № 214-ФЗ. Поэтому, полагаем, что необходимость учета проанализированных рисков при принятии решения потенциальным Приобретателем более чем актуальна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. СПС «КонсультантПлюс».
2. СПС «КонсультантПлюс».
3. СПС «КонсультантПлюс».
4. Плешанова О. П. Влияние счетов эскроу на процесс банкротства застройщиков // Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М, 2022. С. 124.
5. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Фонд развития территорий: застройщики-банкроты задолжали дольщикам 31 млрд руб. // Фонд развития территорий: застройщики-банкроты задолжали дольщикам 31 млрд руб. Новости ЕРЗ.РФ (erzrf.ru) (дата обращения 24.12.2022).
7. Постановление Правительства РФ от 12 сентября 2019 г. № 1192 «Об утверждении Правил принятия решения публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» о финансировании или о нецелесообразности финансирования мероприятий, предусмотренных частью 2 статьи 13.1 Федерального закона «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Проект Постановления Правительства РФ О внесении изменений в Правила принятия решения публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» о финансировании или о нецелесообразности финансирования мероприятий, предусмотренных частью 2 статьи 13^1 Федерального закона «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Нормативные правовые акты – Официальный сайт для размещения информации о подготовке нормативных правовых актов и результатах их обсуждения (regulation.gov.ru) (дата обращения 24.12.2022).
9. Федеральный закон от 27 июня 2019 г. № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 34-П по делу о проверке конституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», подпунктов 3 и 3.1 пункта 1 статьи 201.1, пункта 5 статьи 201.10, абзаца второго пункта 2 статьи 201.15, подпункта 1 пункта 8 статьи 201.15-1, пункта 11 статьи 201.15-2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой гражданки А. Н. Шалимовой.
11. Определение СК ЭС Верховного Суда РФ от 22 августа 2022 г. № 305-ЭС22-7163.
12. Определение СК ЭС Верховного Суда РФ от 14 февраля 2019 г. № 308-ЭС18-15980; Определение СК ЭС Верховного Суда РФ от 6 мая 2019 г. № 302-ЭС18-24434.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Славич Мария Анатольевна
(Россия, г. Магнитогорск), соискатель кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, директор по правовым вопросам Общества с ограниченной ответственностью «Трест Магнитострой», e-mail: mslavich@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7172-7248.

AUTHOR'S DETAILS

Maria A. Slavich
(Russia, Magnitogorsk), External post-graduate student of Entrepreneurial Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Legal Director of Limited Liability Company "Trust Magnitostroy", e-mail: mslavich@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7172-7248.

УДК 347.736

Правовая природа саморегулируемой организации арбитражных управляющих[1]

Кононова Л. А.

Аннотация: На сегодняшний день модель обязательного саморегулирования введена в отношении деятельности арбитражных управляющих. Сложная природа саморегулируемой организации арбитражных управляющих как института общественных отношений, а также специфика институционализации в России предопределили наличие диаметрально противоположных точек зрения, связанных с вопросами наделения ее властными полномочиями, делегированием государственных функций. Саморегулируемая организация, находясь в тесной взаимосвязи с арбитражными управляющими, осуществляет «допуск» указанных лиц к профессии, регулирует и контролирует их дальнейшую деятельность, обеспечивая уровень профессиональной подготовки и компетентности, соблюдение законодательства Российской Федерации, правил профессиональной деятельности, защищает права и законные интересы своих членов, обеспечивает информационную открытость, снижая степень государственного вмешательства в гражданские правоотношения. Требование обязательного членства арбитражных управляющих в одной из саморегулируемых организаций при возможности сохранения альтернативы – по замене обязательного членства добровольным – по-прежнему остается дискуссионным вопросом в юридической литературе.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); арбитражный управляющий; саморегулирование; саморегулируемая организация арбитражных управляющих

Legal Nature of Self-regulatory Organization of Arbitration Managers[2]

Ludmila A. Kononova

Abstract: Now, the model of compulsory self-regulation is introduced in relation to the activities of court-appointed trustees. The complex nature of self-regulatory organization of arbitration managers as an institution of public relations, as well as the specifics of institutionalization in Russia have predetermined the presence of diametrically opposed points of view related to the issues of giving its authority, delegation of state functions. Self-regulatory organization, being in close relationship with arbitration administrators, carries out «admission» of these persons to the profession, regulates and controls their further activities, ensuring the level of professional training and competence, compliance with the legislation of the Russian Federation, rules of professional activity, protects the rights and legitimate interests of its members, provides information transparency, reducing the degree of state intervention in civil legal relations. Requirement of compulsory membership of court-appointed trustees in one of the self-regulatory organizations with the possibility of maintaining the alternative – to replace compulsory membership with voluntary membership – is still a debatable issue in the legal literature.

Keywords: Insolvency (bankruptcy); arbitration manager; self-regulation; self-regulatory organization of arbitration managers

В России отмечается тенденция внедрения и развития механизма обязательного саморегулирования во многие сферы жизнедеятельности.

Серьезной правовой новеллой, введенной Законом о банкротстве 2002 г. в законодательное определение правового статуса арбитражных управляющих, без

1 Для цитирования: Кононова Л. А. Правовая природа саморегулируемой организации арбитражных управляющих // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 4. С. 49–54.

2 For Reference: Ludmila A. Kononova. Legal Nature of Self-regulatory Organization of Arbitration Managers // Business, management and law. 2022. № 4. P. 49–54.

сомнения, является установление обязанности членства арбитражных управляющих в саморегулируемых организациях арбитражных управляющих, то есть введение элементов регулирования деятельности арбитражных управляющих самими арбитражными управляющими [1, с. 121].

Институт саморегулирования, как отмечает Ю. В. Тай [2, с. 169], существует в мировой практике довольно давно. Причем появление данного института связано с процессами либерализации, дебюрократизации, дерегуляции, которые периодически происходят в тех или иных странах.

Саморегулируемая организация арбитражных управляющих – это некоммерческая организация, которая основана на членстве, создана гражданами Российской Федерации, сведения о которой включены в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и целями деятельности которой являются регулирование и обеспечение деятельности арбитражных управляющих (абз. 32 ст. 2 Закона о банкротстве).

Проект масштабных изменений к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)», предлагаемый Министерством экономического развития РФ [3], практически дословно дублирует легальное определение, не предлагая каких-либо концептуальных изменений.

Саморегулируемые организации арбитражных управляющих обладают двойственной правовой природой: с одной стороны, это некоммерческие организации, а с другой – с даты включения в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих они приобретают особый публично-правовой статус саморегулируемой организации арбитражных управляющих

По мнению А. В. Волжанина [4, с. 56], саморегулируемая организация арбитражных управляющих является профессиональным посредником на рынке услуг арбитражных управляющих, по своей экономической природе представляет негосударственную некоммерческую организацию, основной целью деятельности которой является не получение прибыли, а обеспечение, регулирование и контролирование деятельности арбитражных управляющих, обеспечение взаимодействия между производителями и потребителями услуг антикризисного управления.

В юридической литературе [5] также отмечается, что саморегулируемая организация представляет собой объединение арбитражных управляющих для совместной выработки правил деятельности, контроля за их выполнением, содействия деятельности арбитражного управляющего и защиты его законных интересов, а также решения иных вопросов, требующих объединения усилий. Образование саморегулируемых организаций обеспечивает замену государственного регулирования и контроля в сфере арбитражного управления на общественный, снижая степень государственного вмешательства в гражданские правоотношения.

Саморегулируемые организации арбитражных управляющих обладают двойственной правовой природой: с одной стороны, это некоммерческие организации, а с другой – с даты включения в единый государственный реестр саморегулируемых организаций арбитражных управляющих они приобретают особый публично-правовой статус саморегулируемой организации арбитражных управляющих.

По мнению А. В. Басовой [6, с. 96], саморегулируемые организации являются частноправовыми объединениями предпринимателей, консолидирующими профессиональные интересы, с другой – осуществляют публичные функции регулирования и контроля за предпринимательской деятельностью своих членов.

Создание саморегулируемых организаций арбитражных управляющих практически одновременно с отказом от лицензирования деятельности означает, по мнению А. Н. Борисова [7], что государство переложило на эти организации часть своих публично-правовых функций.

Обладание саморегулируемой организацией публично-властными функциями отмечается и иными учеными [8, с. 111].

Подобные точки зрения встречают критику со стороны других авторов. Например, Д. А. Петров [9] отмечает, что возникновение саморегулирования никак институционально не связано с существованием государственного регулирования, в связи с чем, невозможно говорить о делегировании государственных функций саморегулируемым организациям. Кроме того, саморегулируемая организация не получает и не осуществляет публичных функций, поскольку саморегулирование

является институтом частного права, обеспечивающим общественный интерес и имеющим общественно полезный характер.

М. А. Егорова [10] отмечает, что саморегулируемая организация в момент своего создания приобретает не статус публично-правового субъекта, а правовой статус некоммерческой корпорации со специальной правосубъектностью. «Общественно значимая» функция деятельности саморегулируемой организации заключается не в том, что она создает своей деятельностью специальный правовой режим для своих собственных членов, а в том, что она надлежащим образом реализует публичную программу правового регулирования, уже сформированную государством как для нее, так и для ее членов.

По мнению А. В. Забелина [11], современные законодательные тенденции имеют признаки опубличивания частных отношений, что является неприемлемым в условиях развития гражданского общества.

В данном случае весьма обоснованной представляется мнение В. С. Белых [12], который оценивает правовое положение саморегулируемой организации следующим образом: если бороться за чистоту цивилистического типа регулирования, ответ ясен: необходимо устранить эту двойную природу. Напротив, если повернуться в очередной раз лицом к рыночной экономике, указанное сочетание частно- и публично-правовых начал – желаемый результат социального прогресса общества.

Наличие диаметрально противоположных точек зрения объясняется сложной природой саморегулируемых организаций как института общественных отношений, спецификой его институционализации в России.

Саморегулируемые организации арбитражных управляющих наделены многочисленными правами и обязанностями по отношению к своим членам (арбитражным управляющим), связанными с осуществлением возлагаемых на них функций, которые условно можно разделить по признаку назначения (по цели) на следующие группы: нормотворческие, контрольные, исполнительно-распорядительные, представительские и информационные.

Реализуя нормотворческие функции, саморегулируемые организации арбитражных управляющих наделены правами и обязанностями, связанными с разработкой и установлением стандартов и правил профессиональной деятельности, условий членства, правил прохождения стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего, порядка проведения процедуры выбора кандидатуры арбитражного управляющего в целях утверждения в процедуре банкротства, определения компетентности, добросовестности и независимости арбитражного управляющего, участием в обсуждении проектов федеральных законов, законов, иных нормативных правовых актов, государственных программ по вопросам, связанным с арбитражным управлением, внесением предложений по вопросам формирования и реализации политики в сфере несостоятельности (банкротства) (абз. 4, 5 п. 1, абз. 2, 3, 19, 20 п. 2 ст. 22 Закона о банкротстве).

В целях выполнения контрольных функций саморегулируемые организации арбитражных управляющих уполномочены контролировать профессиональную деятельность своих членов в части соблюдения требований Закона о банкротстве, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, федеральных стандартов, стандартов и правил профессиональной деятельности, в том числе посредством проведения проверки; рассматривать жалобы на действия своего члена, исполняющего обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве; применять меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные Законом о банкротстве и внутренними документами саморегулируемой организации, в том числе исключение из членов саморегулируемой организации; заявлять в арбитражный суд ходатайства об отстранении или освобождении от участия в деле о банкротстве своих членов, в случаях, установленных Законом о банкротстве (абз. 8 п. 1, абз. 4–7 п. 2 ст. 22 Закона о банкротстве).

Саморегулируемая организация арбитражных управляющих, реализуя исполнительно-распорядительную функцию, наделяется правами и обязанностями по организации и проведению стажировки помощника арбитражного управляющего, повышению уровня профессиональной подготовки своих членов, представлению кандидатуры арбитражного управляющего в целях утверждения арбитражным судом в деле о банкротстве, предоставлению информации о соответствии указанной кандидатуры требованиям Закона о банкротстве, обеспечению формирования компенсационного фонда для финансового обеспечения ответственности по возмещению убытков, причиненных членами саморегулируемой организации при исполнении обязанностей арбитражных управляющих; проведению аккредитации лиц, привлекаемых арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве (абз. 10, 12–13, 17 п. 2 ст. 22 Закона о банкротстве).

В целях обеспечения общего для арбитражных управляющих интереса – защиты репутационных прав, саморегулируемые организации арбитражных

управляющих противодействуют физическим и юридическим лицам, дискредитирующим профессиональную честь и достоинство.

Реализуя информационные функции, саморегулируемая организация арбитражных управляющих наделяется правами и обязанностями, связанными со сбором, обработкой, хранением и передачей информации. В том числе вправе (обязано) запрашивать информацию, необходимую для выполнения возложенных функций; осуществлять анализ деятельности своих членов, хранить их отчеты и иные документы; по запросам суда представлять документы, которые содержат информацию об исполнении арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей; осуществлять включение в реестр членов саморегулируемой организации арбитражных управляющих обязательных сведений и вести такой реестр, обеспечивая доступ к указанным сведениям заинтересованным лицам (абз. 6 п. 1 ст. 22, абз. 8–9, 11, 14, 18 Закона о банкротстве).

В целях обеспечения общего для арбитражных управляющих интереса – защиты репутационных прав, саморегулируемые организации арбитражных управляющих противодействуют физическим и юридическим лицам, дискредитирующим профессиональную честь и достоинство

Таким образом, законодатель поставил арбитражных управляющих в ситуацию чрезвычайной зависимости от саморегулируемой организации, осуществляющей «допуск» указанных лиц к профессии, регулирование и контролирование их дальнейшей деятельности.

По мнению В. В. Витрянского [13, с. 5] Закон о банкротстве содержит нормы, превращающие арбитражного управляющего в один из элементов огромного и непонятного механизма.

Такое направление развития российского законодательства, когда арбитражный управляющий ставится в полную зависимость от своей саморегулируемой организации, расходится, по мнению В. Н. Ткачева [14, с. 77], с мировыми тенденциями развития института несостоятельности, для которых характерно стремление к независимости антикризисных управляющих.

Анализируя законодательство зарубежных стран, С. А. Карелина [15] подчеркивает, что членство управляющих в профессиональных ассоциациях может быть как обязательным (Англия, Франция, Румыния), так и добровольным (Германия, Нидерланды, Сербия).

К примеру, в Германии управляющими назначаются адвокаты, специалисты по налогам, менеджменту, частные предприниматели, профессиональные управляющие. Указанные лица выбираются судом из числа всех лиц, желающих взять на себя управление по делу о несостоятельности с учетом мнения кредиторов (§ 21, 56, 56a Insolvenzordnung (InsO)). Саморегулируемых организации управляющих не существует, однако создаются Палаты Юристов (Rechtsanwaltskammern), Палаты дипломированных бухгалтеров высшей квалификации (Wirtschaftspruferkammern) и Палаты консультантов по вопросам налогообложения (Steuerberaterkammern), членами которых в обязательном порядке являются все юристы, квалифицированные бухгалтера и консультанты по вопросам налогообложения. Другие физические лица, которые подходят для выполнения функций управляющих, профессиональных представительств не имеют.

Во Франции судебным администратором, судебным ликвидатором может быть назначено лицо, включенное в специальный реестр, утвержденный Национальным советом судебных администраторов и уполномоченных ликвидаторов (национальный список) [16]. Для совместного осуществления своей профессии они образовывают некоммерческие юридические лица, создают объединения с общими экономическими интересами, осуществляют свою профессиональную деятельность в рамках многопрофильной компании [17].

В США Федеральный арбитражный управляющий является членом специального органа – Исполнительного бюро федеральных управляющих США, занимающегося административным управлением дел о банкротстве и входящего в состав Министерства юстиции. В пределах своего региона каждый федеральный арбитражный управляющий обязан создать объединение частных арбитражных управляющих, обеспечить постоянное существование такого объединения и осуществлять надзор за его деятельностью.

Требование об обязательном членстве в саморегулируемой организации подвергалось неоднократной проверке. Конституционный Суд Российской Федерации [18] признал указанные положения не противоречащим Конституции Российской Федерации, отметив, что публично-правовой статус арбитражных управляющих обусловливает право законодателя предъявлять к ним специальные требования, касающиеся в том числе членства в профессиональном объединении, на которое государство также возлагает ответственность

за обеспечение проведения процедур банкротства надлежащим образом.

Исследуя роль и место саморегулируемых организаций арбитражных управляющих в общей системе управления сферы финансового оздоровления и банкротства, И. В. Фролов [19] отмечает логическую обоснованность и законченность концептуальной идеи обязательного членства в данного вида организациях арбитражных управляющих. По его мнению, концепция обязательного членства арбитражных управляющих имеет строго определенные управленческие цели: руководство субъектами путем разработки стандартов и правил; контроль за деятельностью своих членов.

С. А. Карелина [20, с. 356] отмечает, что на первый взгляд положения о добровольном членстве и требования о допуске к профессиональной деятельности в сфере арбитражного управления при условии обязательного членства в саморегулируемых организациях арбитражных управляющих находятся в противоречии с точки зрения гражданской правосубъектности, но с точки зрения формирования профессии и принципов профессиональной деятельности императивное правило об обязательном членстве арбитражного управляющего в саморегулируемой организации только увеличивает уровень его защищенности.

Е. А. Павлодский [21, с. 26], напротив, высказал мнение, что новелла представляется спорной по ряду оснований и не соответствует принципам независимости антикризисного управления, поскольку саморегулируемая организация арбитражных управляющих ставит своей целью не профессиональную подготовку ее членов, а решение вопросов их трудоустройства.

Чтобы участие в саморегулируемой организации арбитражных управляющих не выполняло функцию допуска к профессии, в юридической литературе высказывались предложения по возрождению института свободных от членства в саморегулируемых организациях арбитражных управляющих [22].

Положения о добровольном членстве и требования о допуске к профессиональной деятельности в сфере арбитражного управления при условии обязательного членства в саморегулируемых организациях арбитражных управляющих находятся в противоречии с точки зрения гражданской правосубъектности

Исходя из функций саморегулируемой организации, учитывая публично-правовой статус арбитражного управляющего, требование о его членстве в одной из саморегулируемым организаций, предусмотренное действующим законодательством, представляется весьма обоснованным.

Таким образом, саморегулируемые организации арбитражных управляющих, обладают двойственной правовой природой. Отличительные особенности некоммерческих организаций, имеющих статус саморегулируемых, раскрываются через систему прав и обязанностей, связанных с осуществлением возлагаемых на них функции. Предпосылок к возрождению добровольного членства в саморегулируемой организации арбитражных управляющих, практикуемого, в том числе, в ряде зарубежных стран, в настоящее время не предвидится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Юхнин А. В. Правовые проблемы организации деятельности арбитражных управляющих: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

2. Тай Ю. В. Правовые проблемы арбитражного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

3. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=lchn8pns2m651279899 (дата обращения: 01.11.2022).

4. Волжанин А. В. Саморегулируемая организация арбитражных управляющих: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.

5. Иванова С. П., Земляков Д. Н., Баранников А. Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция, 2018. 200 с. // СПС «КонсультантПлюс».

6. Басова А. В. Саморегулируемые организации как субъекты предпринимательского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

7. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2018. 268 с. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Андреева Л. В. и др. Российское предпринимательское право: учеб. / под ред. И. В. Ершовой, Г. Д. Отнюковой. М.: Проспект, 2012.

9. Петров Д. А. Саморегулирование в системе государственного регулирующего воздействия на общественно-экономические отношения // Юрист. 2013. № 11. С. 8–12.

10. Егорова М. А. Обязательное саморегулирование как институт частного права. Предпринимательское право. 2014. № 4. С. 10–17.

11. Забелин А. В. Публично-правовой статус саморегулируемых организаций на современном этапе развития гражданского общества. Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 90–96.

12. Белых В. С. К вопросу о юридическом лице публичного права // Бизнес, менеджмент и право. 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Витрянский В. В. Новое в правовом регулировании несостоятельности (банкротстве) // Журнал хозяйство и право. 2003. № 1. С. 8–9.

14. Ткачев В. Н. Несостоятельность (банкротство) в Российской Федерации. Правовое регулирование конкурсных отношений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2006.

15. Карелина С. А. Несостоятельность (банкротство): учеб. курс. В 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. Т. 2. М.: Статут, 2019. 820 с.

16. Article L811-2, L811-6, R811-3 – R811-5, R812-2 Code de commerce.

17. Article L811-7, L811-7-1-A, L812-5, L812-5-1-A Code de commerce.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 г. № 12-П по делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Меженцева А. Г. // СПС «КонсультантПлюс».

19. Фролов И. В. Саморегулирование в сфере банкротства как пример законодательной децентрализации сферы публичного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. С. 94–98.

20. Карелина С. А. Несостоятельность (банкротство): учебный курс. В 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019. С. 356.

21. Павлодский Е. А. Саморегулируемые арбитражные управляющие // Журнал Российского права. 2009. № 1(145). С. 36–41.

22. Забуга И. А. Особенности осуществления внешнего управления в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононова Людмила Александровна
(Россия, Екатеринбург), преподаватель кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, e-mail: advokat_kononova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1824-3022.

AUTHOR'S DETAILS

Ludmila A. Kononova
(Russia, Ekaterinburg), Lecturer at the Business Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: advokat_kononova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1824-3022.

БИЗНЕС
МЕНЕДЖМЕНТ
И научно-практический экономико-правовой журнал
ПРАВО

12+

Выпускающий редактор: *М. А. Бажина*. Верстка: *А. Ю. Тюменцева*. Переводчик: *Н. В. Садыкова*

Адрес редакции журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmpjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 15.12.2022 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,51.
Уч.-изд. л. 5,85. Тираж 100 экземпляров. Заказ № 25/12-1. Дата выхода в свет: 31.12.2022 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-64841 от 10 февраля 2016 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ